

Нужное подчеркнуть

Всю жизнь я собираюсь жить,

Всё жизнь проходит в ожиданье...

/ Лев Озеров /

Неподалеку от супермаркета на высоком парапете сидел известный в узких кругах бард, брэнчал на гитаре и пел задушевную песню. Неуютно и неромантически. Хорошо хотя бы вполголоса. Судя по лицам окруживших его людей, было очевидно одно - в число поклонников входят люди с отклонениями в развитии. А как иначе их можно назвать, если они с трогательным вниманием слушали подобную муру о жизни, которая несправедлива к достойным. Видишь ли, даже солнце светит не для всех, только для избранных, небо для разных людей разного цвета: лазоревое-веселое – опять же для избранных, хмуро-тоскливое – для невезучих, не входящих в число достойных. И бард, и его поклонники в число избранных не входили, от того и произошло единение и взаимопонимание. Однако отблагодарить певца и гитариста в одном лице никто из поклонников не собирался - деньги в карманах этих людей никогда не задерживались.

Чуть в стороне от немногочисленных поклонников с дырявыми карманами стоял еще один соглядатай - человек в партикулярном платье, по выправке угадывался военный. На его лице повисло гадливое выражение. Почему-то не уходил, хотя, и порывался несколько раз. После я понял причину – поджидал женщину. Чтобы не заскучать, провел время до ее прихода в недостойной для него компании. Когда она появилась, он сделался цвета заката, сулившего на завтра ветряную погоду. Во всей видимости, застыдился своего неожиданного увлечения уличным пением особы невзрачного вида. Так оно и было, потому что женщина с укоризной взглянула на лохматого барда в странных одеждах, и с замешательством на своего мужчину, в котором открыла новые увлечения, после чего потянула к входу в

супермаркет, по дороге осуждая его поведение. Мужик перехватил ее руку, сам взял под локоток и звонко чмокнул в щеку, выражая извинение.

Я тоже, как та дама грозного вида, не выношу тупость с претензией на гениальность. Но привычно мимо не промаршировал, чтобы не подцепить «отклонение в развитии», хотя, всегда так поступал - не впервые встречаю подобных бардов, обиженных судьбой. Но так было всегда. Сегодня особый день. Мое благостное настроение не могло испортить даже такое исполнение, даже такие «незабываемые» слова. Неожиданно загорелся желанием проверить - испортит настроение или нет? Стоял с глупым видом и ждал. Время шло, песни сменяли друг друга, не менялось неудалое брэнчание. Создавалось впечатление, что разные слова прикладывались к одному мотиву. Поет мотивно, слушать противно, - вспомнил я пословицу.

Мне было не противно, мне было по-дурацки весело. Кажется, я даже улыбался, несмотря на трагичные напевы. Кто-нибудь со стороны мог принять меня за городского сумасшедшего. И пусть. Да, я мог сойти с ума от везения.

Мне безумно, страшно, чудовищно, беспредельно, баснословно, чертовски, дико, невероятно, несказанно, дьявольски, нечеловечески повезло остаться живым.

Меня поймет лишь тот, кто сам испытал подобное счастье-везение. Шел человек, шел, ничего не подозревал, а рядом... бух!.. Упала здоровенная сосулька. Или строительный кран свалился. Это для примера. Нынче подобное кранопадение у нас в моде. Жаль, люди гибнут ни за что, по причине чужой халатности.

А тебе повезло! Смерть мимо пролетела, в нескольких сантиметрах-метрах. Что ты чувствуешь? Поначалу шок, потом абсолютное опустошение. Это я о себе. По мере высвобождения из цепких лап стресса, приходит осознание счастья. Вот свезло, так свезло.

Повисел на волоске от смерти, приземлился на мягкую перину, понежился, отдышался и понял – надо ценить каждую прожитую минуту, каждый прожитый день. Не раздражаться по мелочам, не делать из мухи слона, научиться делить проблемы на глобальные и локальные.

И радоваться каждой мелочи – цветочку, букашке, затяжному дождю, который рано или поздно закончится, снегопаду – не пройти, не проехать. Не реагировать на чужой злобный взгляд, без причины. Не копаться в себе – почему он так на меня посмотрел? К чему себя готовить? Ни к чему! Его взгляд тебя не касается! Он тебе никто и звать его никак! Может, у него отвратительное настроение, и он ищет на ком бы отыграться.

Как бард со своими одинаково-разными песнями, решивший разжалобить слушателей. Или усугубить их грусть-печаль. Что более вероятно – испортить настроение тем, кто в «шоколаде». «Шоколадных» этот сочинитель терпеть не может. Жалуются на несправедливость.

Жаловаться легче всего, попробуй что-то изменить.

Я никогда не жаловался на жизнь, не роптал, хотя, подходящие моменты «рукоопускания» были. Самое страшное случилось двадцать лет назад. После чего я остался один. Была семья, и все пошло прахом. Хоть в петлю лезь. Не полез, сначала жил по инерции, потом втянулся и зажил осознанно-привычно, но в волчьем одиночестве. Сделал сложный вывод из случившейся трагедии – мне нельзя иметь семью. Второй раз я ЭТОГО не переживу.

Все двадцать лет пытался забыть. Забылся поверхностно. Копни глубже и начнется самобичевание. Но я никогда не сваливал вину с больной головы на здоровую – я виновен в трагедии. Только я. Моя бывшая жена не при чем.

Да, мне нужно было меньше работать, бегать по магазинам, выстаивать длиннющие очереди. За меня это делала жена. Она занималась ребенком, она бегала по магазинам, она выстаивала длиннющие очереди.

Жена попросила старушку присмотреть за ребенком, который сладко спал в коляске, а сама на минутку забежала в магазин. Вернулась, а ребенка нет. Старушка как сидела на скамеечке, так и сидит. По древности своей перепутала настоящую мать с самозванкой, которая поблагодарила ее за услугу, прихватила детскую коляску с ребенком и ушла в неизвестном направлении.

Нашего ребенка искали всем городом: и тогдашняя милиция, и добросердечные люди. Все бесполезно.

Жена едва не сошла с ума. И немудрено. Я держался из последних сил, за что был назван бесчувственным чурбаном. Вскоре мы развелись. И разъехались подальше друг от друга, чтобы никогда не встречаться, чтобы никогда не напоминать друг другу о трагедии.

Можно подумать, это нас спасло. Я постоянно думаю о своем ребенке, представляю, каким он стал. Она стала. Ее звали Марусяка. Маша. Мария. Как зовут сейчас, не могу представить. В прошедшем времени о дочери не говорю.

Жена перед разлукой забрала все фотографии. Я часто фоткал нашу девочку за ее короткие два месяца рядом с нами. Но мне не нужны фотографии, она все годы стоит у меня перед глазами.

И впервые за двадцать лет я почувствовал себя счастливым человеком.

Раз судьба надо мной сжалилась, оставила мне жизнь, значит, я могу кому-то пригодиться на этой земле. Сделать что-то доброе, хорошее... Может, мне пора задуматься о создании новой семьи? Почему, нет? Я еще не стар, всего-то сорок пять.

Вчера я думал о скоротечности жизни – не заметил, как годы пролетели. Сегодня время сначала остановилось, потом пошло, но с притормаживанием, чтобы я успевал замечать разные мелочи. Нельзя постоянно бежать с космической скоростью, подталкивать себя словом «надо». Надо то, надо это... А хочу ли я?

Несмотря на волчье одиночество, а так и не научился жить, «как левая нога захочет». Не скажу, что делаю все из-под палки, но очень часто иду вопреки своему желанию. Не пробую жизнь на вкус. Мне некогда. Работа, хобби, дача, дом, разные бытовые проблемы, которые я решаю в одиночку. На судьбу не жалею, бога не гневлю. И будто бы не заслужил взбучки, но все случилось со мной, не с кем-то другим. Но мне дали шанс что-то изменить в своей устоявшейся жизни! И я обязан его использовать. Не ринуться головой в омут, а осмотреться, перебрать жизнь по косточкам и понять – что было не так?.. Я обманываюсь. Я знаю, что было не так! Здоровая мужская особь обязана иметь потомство. Семья – вот что мне нужно. Довольно скитаться по

стране, бояться привязанностей разной степени, и при любой опасности, которая выражается в интересе к женщине, бежать прочь сломя голову.

Я не доводил дела до загса - не ел паспорт на его пороге, но женщины были готовы к предложению руки и сердца, хотя, я никаких намеков не делал. Им хотелось так думать, я им не возбранял. Когда переходили в яростное наступление, я исчезал.

Меня не пугали намеками на беременность, причин не было. С женщинами, которые вызывали у меня интерес, я не вступал в сексуальные связи. Для удовлетворения своих потребностей находил других. Животный сексинстинкт отдельно, интерес на уровне конфет-букетов отдельно. Два инстинкта в один объединить не мог. Знаю – трагедия с дочерью что-то сделала с моими мозгами. Я пребывал в постоянном напряжении. Постоянно себя контролировал, и контролировал объект своего интереса - как бы она не перешла границу моего государства. Воевать не в моих принципах, лучше отдать территорию, сбежать и создавать свое государство на новом месте...

В этом городе я обосновался более четырех лет назад. Скорее не обосновался, вернулся. Этот город был мне родным, здесь я вырос, здесь окончил школу. Получив аттестат, уехал за высшим образованием в столицу. Там женился, там родилась Маруська. Сюда пришлось вернуться, когда отец стал немощным. Через год после моего возвращения отца не стало. Я хотел продать недвижимость и уехать. Но передумал. Здесь могила отца. Своей матери я не помню, она умерла, когда мне не было двух лет.

За эти четыре года я ни с кем не враждовал, ни с кем не «букетился». На горизонте не появилась дамочка, способная вызвать у меня поверхностный интерес. Меня все устраивало: работа директора культурно-досугового центра, хорошая квартира, дача. Кажется, меня все устраивало, всплески мне были не нужны. Спокойствие, главное спокойствие, как говорил Карлсон – мужчина в самом расцвете лет. Как и я.

Для меня спокойствие – это жизнь запрограммированного робота. Все по плану, все по норме. Нельзя смеяться от души, до колик в животе, нельзя печалиться, нельзя восхищаться. Одним словом, норма во всем.

Но не сегодня...

Сегодня хотелось наслаждаться жизнью! Стоять, дышать, радоваться без причины, не раздражаться.

Как иначе – я чудом остался жив!..

Пока я наслаждался хмурым днем, бард успел закруглиться и получить жидкие аплодисменты. Но не уложил гитару в раскрытый футляр, а обозрел публику и громко объявил:

- Сегодня пятое ноября – день военного разведчика. Хочу поздравить тех, кто имеет к этому отношение. – И затянул нормальную песню подходящего случаю содержания, - а у разведчиков судьба порой, коротка, как рукопашный бой...

Оказывается, бард не так прост, как хочет казаться. И все из желания вызвать жалость и сочувствие. А я считал его бесхитрым тугодумом.

Стало обидно за себя – не смог раскусить нетвердый орешек. Успокаивало одно: первоначальная ошибка, принятие на веру чужую примитивную искренность, окончательно избавило от тоски, обосновавшейся глубоко в душе после бардовских песен. Всегда простота, открытость, примитивизм окунают меня в беззаботное время детства. В эту пору все принимаешь «за чистую монету», нет никаких проблем, не считая двойку по литературе. Ты наполнен беззаботной радостью без всякой причины. И пусть сам ты не идеален, иной раз что-нибудь совершишь, для своей же пользы, или плохую отметку удалишь из дневника разными чудными способами, но веришь другим на слово, опять же открыт для общения, говоришь без задней мысли. Прост, как... валенок.

Таким был много лет назад. Потом кардинально изменился. Сегодня неожиданно вернулся в далекое прошлое и слегка затосковал. Больше по отцу, чем по прошлому. Увы, отца не вернуть, как и время повернуть вспять.

Но не избавился от безудержного счастья, когтистыми лапками уцепившееся за меня. Чтобы не расстаться и с ним, поспешно покинул чужой праздник жизни тумана и обмана.

Сегодня у меня свой праздник, день рождения, причем второй.

Пятое ноября, день военного разведчика. Надо же. Теперь это и мой праздник тоже.

Я был обалдевшим, чуть сошедшим с ума, безмерно счастливым. Был трезв, был пьян. Я остался жив. Я везунчик.

На меня не падал строительный кран, не сваливалась сосулька. Со мною поступили более изощренно...

Поздним вечером я выехал из дачного поселка «Чайная роза». Обожаю свою дачу. На участке нет ничего особенного: садовые деревья, зелень в летнюю пору, небольшой домишко. Вся прелесть в водохранилище, в искусственном водоеме советской цивилизации. У меня есть лодка, снасти, я фанат рыбной ловли.

Обычно все свои выходные провожу в дачном поселке. Вчерашний день не был исключением. Возможно, выехал немного позже обычного, все раздумывал – уезжать или провести на даче еще одну ночь, а утром встать пораньше, чтобы успеть перед работой заехать домой. Не люблю спешки, поэтому все-таки собрал вещички и отправился на городскую квартиру, где меня никто не ждал. Это обстоятельство грело мне душу. Никто не задает лишних вопросов, никто ничего не требует. Я сам себе лучший контролер, сам не даю себе спуску. Но это Я! Единственная родная душа – кот Филимон, рыжая бестия размером с хорошую собаку, но и тот живет на даче. В будние дни за ним присматривает соседка – Валентина Максимовна. Она безвыездно сидит на своих шести сотках, впрочем, как и многие жители «Чайной розы», получившие места под дачи в далекие годы социализма от «ящика», предприятия оборонной промышленности. Соседка в нашем дачном поселке новичок – живет здесь недавно, наверное, года три или немного больше. Но мне кажется, со времени моего беззаботного детства. Мы легко нашли общий язык, я кайфую от немудреных разговоров с ней. Так общаются близкие родственники: не сдерживаются в эмоциях, если ты того заслуживаешь, открывают «великие» тайны, надеясь на понимание, сдержанно советуются по самым разным вопросам. Почему сдержанно? Чтобы не взяли в привычку одаривать советами по делу и без дела. А если

сдержанно, но умный человек легко догадается – ситуация из ряда вон выходящая, иначе не стал бы открывать «великой» тайны...

Мне дача досталась по наследству от отца: в «ящике» он проработал всю жизнь. Как пришел по распределению салагой-инженером, так и пропахал почти сорок лет. Недаром родители нарекли его звучным именем Капитон, означающее серьезный основательный человек. Он мечтал, чтобы его единственный сын, нареченный простым именем Иван, пошел по его стопам, окончил технический вуз, получил достойную профессию. Но я, Иван Капитонович Залепукин, поступил в институт культуры. Смирило отца то, что на «нормальный» факультет – «управления и экономики культуры», в будущем не стану массовиком-затейником. Отец считал это унижительным, я его мнения никогда не разделял. Профессии разные нужны, профессии разные важны.

Сейчас мой «нормальный» факультет называется иначе - «менеджмента и экономики». Я ни разу не пожалел о полученной специальности: в любом новом городе я без труда находил себе работу. Когда вернулся в родные пенаты, мой старенький отец обрадовался и захотел остановить мой бег по стране. Пришлось ему отказаться от своих принципов – никогда ни о чем не просить без особых на то причин. Причина была веская – прилепить сына к родному дому. Каким образом? Найти ему достойную работу. Работу, которая может его зацепить, задержать на одном месте. И отец позвонил одному всемогущему человеку.

В эпоху безбедного существования предприятий оборонной промышленности руководство заботилось о своих работниках. Был выстроен спортивный комплекс, база отдыха и учебно-развлекательный комбинат «Электрон», коротко УРК. В двухэтажном здании УРК имелся большой концертный зал для проведения торжественных мероприятий, кабинеты для различных кружков по интересам, на втором этаже кафе, где накрывались столы после официальной части. В огромном фойе ставили новогоднюю елку, приглашались все детишки работников завода. Они получали подарки в шелестящих пакетах, водили хороводы, вызывали Деда Мороза, в общем, всё, как обычно. В их числе был и я, Ванька Залепукин. Каждый год новогодняя развлекательная программа повторялась, но нас, мальчишек и девчонок, это не расстраивало.

Во времена девяностых «ящик» стал акционерным обществом, к власти пришли люди, которым не было никакого дела до трудящихся масс. Все недвижимое имущество, числящееся на балансе завода, они переделали по своему усмотрению, кое-что продали. «Электрон» сдали в аренду, и перестали интересоваться, что в нем происходит. Так продолжалось лет десять или чуть больше. До того, как на завод пришел отличный хозяйственник. Завод не только получил хорошие заказы, но и вернул себе учебно-развлекательный комбинат. Каждого директора УРК больше занимало собственное материальное благополучие, поэтому на руководящей должности никто долго не задерживался. Отец позвонил в нужный момент – директорское место временно пустовало. Так я стал директором культурно-досугового центра «Электрон», о чем пока ни разу не пожалел. Всегда любил работать, засучив рукава, перед трудностями никогда не пасовал, напротив, трудности действовали на меня, как наркотик. Для начала выгнал в шею лодырей, тунеядцев и любителей легкой наживы, создал отличную команду. Взял в заместители Ульяну Дмитриевну Елину, надежного человека с большим опытом работы. Я не отношусь к тем руководителям, которые более благосклонны к молодым, да ранним, идущим к цели по головам. Старая гвардия, честная, трудолюбивая, не бегающая за длинным рублем, меня вполне устраивает. Они привыкли работать без длинных объяснений, за любую благодарность, словесную или крохотно-материальную, горы свернут. Причем, в приоритете у них словесная благодарность. Не скажу, что я раздаю благодарности с легкостью, но не скуплюсь для тех, кто этого заслуживает.

Но я отвлекся...

Итак, выехал из дочного поселка «Чайная роза» ближе к полуночи. Достиг трассы и сразу заметил «голосующую» фигуру. Всегда подбираю неподозрительных попутчиков. Этот мужик не был подозрительным. В районе пятидесяти, джинсы, теплая куртка, бейсболка, увесистая сумка через плечо.

По дороге разговорились. Признался, что был в гостях у женщины, с которой его познакомили друзья на одной вечеринке. Давно овдовел, детей нет. Решил найти себе новую спутницу жизни. Поначалу женщина ему понравилась. Договорились провести вместе выходные у нее на даче. В

субботу приехать ему не удалось, вырвался только в воскресенье, и то во второй половине дня. Хватило нескольких часов, чтобы понять – оставаться ему холостяком до конца дней. Привереда он, а она нормальная баба, которая хочет за кем-то ухаживать, хочет кого-то любить. Именно, кого-то, ей без разницы, кого. Называла его разными именами, путала с прежними несостоявшимися кавалерами. Он так решил. И эта всеядность его дико разозлила, робкий росток чувства мигом зачах. Он нашел причину для ухода, распрощался и только потом понял, что последний автобус ушел. Пришлось тащиться на трассу, чтобы ловить попутку. Долго благодарил меня за чуткость. Не каждый человек в темную ночь решится подобраться одинокого путника на дороге.

Когда добрались до городской окраины, он попросил остановить у ближайшей остановки. Я напомнил, что общественный транспорт давно не ходит. Он беспечно махнул рукой и заявил, что доберется до дома пешком. Я спросил, где он живет. Он назвал улицу Мичурина. Не ближний свет, и от моего дома совсем в другой стороне, но раз делать добро, то делать его до конца.

Он указал мне подъезд, и стал копаться в карманах. Я человек небедный, но и небогатый. Моя среднеобеспеченность и расположение к неудавшемуся кавалеру не позволили взять с него отплату за проезд. Он настаивал, продолжая обстукивать себя руками, как это обычно делают в поисках потерянной вещицы не мизерного размера. Как оказалось, свое портмоне забыл у несостоявшейся невесты. Это обстоятельство его не расстроило – денег в портмоне было немного, еще одной встречи можно избежать.

В качестве заложника оставил в салоне автомобиля свою сумку на длинном ремне и побежал домой за деньгами. Я вышел из машины, решил размять ноги. Заинтересовался торговым павильоном, работающим круглосуточно. Вспомнил, что дома нет ни крошки хлеба. Павильон располагался метрах в десяти. Едва я вошел внутрь, и зазвенели колокольчики, объявив продавцу о появлении покупателя, на улице что-то грохнуло. Непроизвольно я вдавил голову в плечи, застыл в нелепой позе, а размалеванная девица за стойкой завопила:

- Чей-то автомобиль взорвали!

Автомобиль был не чей-то, а мой. Пусть старенькая и непрезентабельная «десятка», больше предназначенная для загородных прогулок по пересеченной местности, чем для езды по городу, но все равно жаль. Это мысль была первой. Затем пришло отупение. Я не понимал, что мне делать. Инициативу проявила девица, с трудом добившись от меня признания, что взорвали мое движимое имущество. Выходя из салона, я прихватил с собой не только ключи с брелоком, но и сумочку с документами, деньгами, ключами от квартиры. Более-менее придя в себя, был несказанно обрадован своей предусмотрительности. Потом приехала полиция, я отрешенно следил за их действиями, отвечал на вопросы, пил горячий чай из пластикового стакана, который мне сунула в руки заботливая девица. Я не заметил, как с чаем умял плитку шоколада, чем особенно ее порадовал. Она сказала, что шоколад очень полезен в моменты стресса. Так и сказала. Чем меня развеселила. Я глупо скалился и смотрел на ее пухлые губы. Губы шевелились - девица безостановочно работала психологом, переняв эстафету у молодого полицейского, который меня опрашивал. Когда закончились следственные мероприятия, полицейский загрузил меня в свое авто, и отвез в участок, где я должен был подробно рассказать о своей жизни вообще, и о сегодняшнем пассажире в частности... Напоследок я проводил прощальным взглядом то, что осталось от моей «десятки», поблагодарил за заботу девушку, не позабыв спросить ее имя. Людмила.

Это имя навевает на меня жуткую тоску. Так звали мою единственную жену, мать Маруськи.

На этот раз птица-тоска коснулась меня крылом и улетела. Радость спасения заполнила меня целиком...

Ничего вразумительного я дежурному следователю не рассказал. Он недобро на меня взглянул, будто это я собственноручно подложил взрывчатку в личное транспортное средство для получения страховки. Видимо, рассказ о женихе неразборчивой особы, которого я услужливо подвез до дома, он всерьез не воспринял. Я и сам не мог понять, зачем ему меня взрывать вместе с автомобилем? Я его знать не знаю. На зрительную память никогда не жаловался. Могу предложить два варианта – или он

таким способом развлекается, значит, окончательно сбрендил, или с кем-то меня перепутал, в этом случае это преднамеренное убийство. Ждал на трассе какую-то другую «десятку», для «внедрения». И эта десятка должна была выехать из дачного поселка «Чайная роза». В доме, куда я его подвез, искать бесполезно – дом был выбран наобум. Мужик не полный кретин, чтобы указывать свое место жительства. Следователь меня поддержал и сказал, что в доме имеется сквозной выход. Значит, выбрал не наобум.

Наконец, вымотанный заковыристыми вопросами следователя я оказался на свободе...

Туман лизал темную землю, заметил приближную мужскую фигуру, слегка пошатывающуюся от везения, охватил вниманием и ее. Мне стало трудно дышать, я расстегнул куртку, и, не задумываясь о направлении, двинул вперед, превратившись в туманокон – стал разрезать туманную предрассветную сырость...

Я не знаю, где бродил несколько часов, опомнился возле супермаркета, возле которого на высоком парапете сидел бард и пел свои жалостливые песни. Взглянув на часы, понял, что бессовестно опаздываю на работу. Позвонил Ульяне Дмитриевне и предупредил, что задержусь на час-другой. Остановил частника, и вскоре оказался в своей квартире.

У меня было такое чувство, будто я не был здесь несколько лет. Я бродил по комнатам, бережно дотрагивался до новых-старых предметов. Долго держал в руках портрет отца и мысленно разговаривал с ним, пересказывал события сегодняшней ночи, с присущим мне напускным оптимизмом. То, что творится у меня в душе, я сам иной раз не мог понять. Не скажу, что я ярый пессимист, искусно прячущий свои чувства за сдержанной высокомерностью, но и человеком, пронизанным оптимизмом, меня не назовешь.

Сегодня следователь назвал меня фаталистом. Мое безразличие к взрыву он принял за покорность: так было предрешено судьбой, чтобы я выжил. Мой заявление о путанице следователь оставил без комментариев. Долго вытягивал из меня, кому я мог перейти дорогу. На что я коротко ответил:

- Стараюсь ни с кем не конфликтовать.

Следователь посмотрел на меня, как на пресмыкающееся мезозойской эры, и с завидным упорством повторил:

- Это была месть. Или устранение ненужного свидетеля....

- Или шутка «доброжелателя», - поддержал я. - Не могу исключить ошибку, в смысле путаницу. – Снова перечислил все имеющиеся версии, включая и версии следователя, удовлетворенно дернул головой и выдал, - нужное почеркнуть.

- Я убедительно вас прошу покопаться в памяти и составить список лиц, с которыми у вас был конфликт. Даже у неконфликтных людей есть враги, которые состоят у них в друзьях, как им кажется.

- Зачем же мне клеветать на людей, - вздохнул я. – А если с кем-то и были разногласия, то я успел забыть. Я не злопамятен...

Я смотрел на портрет отца и спрашивал его, смог ли он пойти на убийство ради своей жены? Ответ я знал. Человека можно убить словом. Меня словом не прошибешь, пришлось переходить к решительным действиям.

Почему я вспомнил о своей матери, о женщине, которой давно нет на этом свете? И на это у меня есть ответ. Если покушение было направлено на меня, не было никакой путаницы, случайности, не было развлекалок ночного сумасшедшего, то это месть. Да-да, месть женщины, которая не могла простить моего пренебрежения. Сама могла заблуждаться, принимать желаемое за действительное, и глубоко разочароваться во мне, в предателе. Лелеяла в себе обиду, разрабатывала план, искала умелых соратников, в итоге – план осуществился. Мог осуществиться, если бы не крайняя нужда в хлебе насущном.

Так что – *cherchez la femme*? Надо искать женщину, которая всё придумала, нашла исполнителя и сейчас находится на вершине счастья по причине неведения? Или глубоко расстроена невезением. Надо ж было мне выйти из машины! А так все хорошо начиналось: исполнителю удалось войти ко мне в доверие, я домчал его до «дома» и согласился подождать благодарности.

Не могу исключить тот факт, что взрыв произошел у нее на глазах – она живет неподалеку. В этом случае она знает, что я вышел сухим из воды. В любом случае, вскоре узнает и огорчиться. И не успокоится до тех пор, пока не доведет дело до конца.

Почему я решил, что она живет неподалеку? Может быть, где-то притаилась, чтобы насладиться зрелищем. Если первым пришло на ум близкое местожительства, то на нем и остановимся.

Теперь надо вспомнить всех женщин, с которыми пересекался за все четыре года, прожитых в моем родном городе. Я мог несерьезно отнестись к нашему поверхностному общению, а она... успела купить подвенечное платье. То ли у меня взгляд многообещающий, то ли некоторые особы женского пола обладают незаурядной способностью читать между строк, но вина в обмане всегда лежит на мне. Обидно, но ладно...

Увы, не ладно. Раньше я мог отмахнуться, сбежать. Так было не раз. Можно сказать – вошло в привычку. Теперь всё зашло слишком далеко. На мою жизнь никто не покушался. И сбегать из города я не желаю. Прошлые побеги не заставляли меня копаться в отношениях. Уехал и забыл. Теперь буду скрупулезно восстанавливать память, чтобы разобраться в ситуации.

Как бы мне не хотелось обманываться, говорить, что ночной взрыв это случайность, забавы сумасшедшего, я отлично понимаю, что не случайность и не забавы.

Осознание не растворило в море испуга моего безмерного счастья. Пусть оно булькает во мне до следующего покушения. А оно будет, уверен. И в моих силах опередить злоумышленника.

Я хочу жить. Я начинаю жить заново. Я выброшу из памяти двадцать последних лет – годы существования.

Но прежде найду человека, который враждебно ко мне относится.

Неужели я поверил, что покушались на меня? Или это все-таки ошибка? Или ночные забавы незнакомца? Или... это месть?

Нужное подчеркнуть.

Если ошибка, забава, то я могу спать спокойно. Если месть, то... могу в этом убедиться лишь одним способом – ждать следующего покушения. Не факт, что вновь выпадет удача.

Может, проверить? Поиграть в русскую рулетку?..

Жизнь шла своим чередом. Хотите верьте, хотите нет, но о ночном инциденте я не думал. Работал допоздна, возвращался домой, что-то в себя закидывал, устраивался перед телевизором и начинал бороться со сном. Победителем не выходил. Спал, как убитый, без сновидений. Только в ночь на пятницу мне приснилась девушка. Она стояла на пороге и пристально рассматривала меня. Я хотел сказать, что она ошиблась адресом, несмотря на то, что гостья не успела ничего сказать – просто мне был неприятен ее цепкий взгляд. Даже можно сказать – осуждающий взгляд. Девушка меня опередила.

- Здравствуй, папа, - насупившись, произнесла она. – Это я, Маруся.

- Маруся? – удивленно протянул я и недоверчиво взглянул на самозванку. Не сдержался и воскликнул, – быть такого не может! Моей Марусе всего два месяца, а тебе... не меньше двадцати.

- Все правильно, мне двадцать лет. Именно столько лет прошло с моего похищения... Но я вижу, ты мне не рад.

- Не рад. Потому что я тебе не верю.

- Почему? Какой смысл мне тебе врать, - хмыкнула девушка и передернула худенькими плечиками. – Ты не олигарх, не госчиновник высокого ранга, а простой человек. Я так долго тебя искала и, наконец, нашла. – Она захотела прильнуть к моей груди, я ей этого не позволил, выставил вперед руку.

- Девушка, шли бы вы отсюда. Не знаю, зачем вам всё это, какие цели вы преследуете, но я не так прост, как вам кажется...

- Я не это имела в виду, - перебила меня гостья, попыталась прошмыгнуть в квартиру, но я и этого ей не позволил. Она обиженно посопела и в сердцах заявила, - как я могу тебе доказать, что я твоя дочь?

- Вы у меня спрашиваете?

- У кого же еще! Мы здесь одни! – Постояла в ожидании и снова перешла в наступление. - Как насчет зова крови? – вкрадчиво поинтересовалась она. – При виде меня твое сердце не екнуло?

- Не екнуло, - «успокоил» я ее. – Так что...

- Да что ж такое! - взвилась девица. – Выпроваживает и выпроваживает! А вдруг мне негде ночевать?

- С этого бы и начинала, - скривился я, выражая недовольство не так ею, как собой: неужели тот, кто заставил ее сюда прийти, рассчитывал с легкостью обвести меня вокруг пальца. Но с какой целью? – Ты бы...

- О! Уже прогресс: обращаешься ко мне на «ты». А то все «вы», да «вы» Прямо, как неродной.

- Слушай, родная, а расскажи-ка папеньке, где ты была все эти годы? Кто тебя вырастил? И когда ты узнала, что воспитываешься людьми, которые дерзко тебя похитили?

- Может, я войду? А то как-то неловко рассказывать трогательные истории на пороге.

- Ладно, входи.

При ярком искусственном освещении я хорошо рассмотрел самозванку. Надо признать, она была прехорошенькой и очень походила на мою мать...

Затрезвонил будильник. Я проснулся и пожалел, что не удалось узнать, что было нужно от меня странной гостье, так похожей на мою мать, которую я знал только по фотографии. Почему-то отец куда-то спрятал все снимки своей жены после ее смерти. Наверное, не хотел, чтобы я лил слезы над ними. Я случайно обнаружил всего одно фото в любимой отцовской книге «Тимур и его команда» Аркадия Гайдара. Эту книжку ему подарили родители в детстве. Как она сохранилась, оставалось только гадать. Отец так дорожил книгой, что не позволял мне ее брать. Как известно, запретный плод сладок. Если бы книгу совали мне в руки, то я под любым предлогом старался увильнуть от неинтересного, по моему мнению, чтения. Но раз мне

запрещали, то я загорелся желанием узнать, что же в ней такого. Удивительно, но чтение меня увлекло. Дойдя до десятой страницы, я нашел фотографию женщины. На обороте было написано: «Любимому Капитоше от Екатерины». И указана дата - за год до моего рождения. Значит, мать фотографировалась накануне свадьбы с моим отцом.

Изучив снимок, я понял, что на мать совсем не похож. С годами все больше и больше становлюсь похожим на отца. Даже голос, как у него. Так утверждает моя соседка, баба Вера... Утверждала. Бабу Веру мы недавно похоронили. Хорошая была бабулька, душевная...

Чтобы окончательно прогнать остатки сна, я принял контрастный душ, плотно позавтракал, выпил крепкий кофе и отправился на работу, привычно радуясь, что работа находится в трех шагах, не нужно стоять в пробках, трястись в общественном транспорте. Редкое в ноябре солнце окончательно подняло настроение. Я решил вечером поехать на дачу, порыбачить, как обычно.

В суете и заботах пятница пролетела незаметно. Уже к трем часам я понял, что моя затея с дачей останется невыполненной по причине ливня, который обрушился на город, заглотив предательское солнце. Ехать на дачу на стареньком мотоцикле отца, на «Яве», в такую «распрекрасную» погоду это надо быть сумасшедшим фанатом рыбной ловли. Я фанатом рыбалки был и буду, непогода не способна испортить настроение, изменить планы, но только в том случае, если исключается преждевременное омовение дождевой водой. В автомобиле это исключается, на моцике я вымокну до трусов, как бы не упаковался. Еще неизвестно, кто кого дотянет до дачного участка по бездорожью. Тащить на своем горбу тяжелую «Яву» у меня не было никакого желания. Надежность «десятки» меня всегда поражала. Вездеходность у нее была, как у танка, поломки случались крайне редко. Я не сомневался, что такой ее сделал отец, когда я перебрался в родной город. За короткое время своего более-менее нормального состояния, он сделал из «десятки» конфетку, а она, из благодарности, продолжает служить верой и правдой своему прежнему владельцу, который раз в год отгоняет ее на станцию техобслуживания...

Служила, отгонял... Никак не научусь говорить о машинке в прошедшем времени...

Сколько себя помню, у отца был мотоцикл «Ява». Он считал его одушевленным предметом, любовно называл Яшкой, заботился о нем больше, чем обо мне. Так мне казалось. Иногда я взрывался и спрашивал:

- Кого ты больше любишь - меня или своего Яшку?

Отец задумывался, чем особенно выводил меня из себя, и, наконец, отвечал:

- Тебя, конечно.

Наверное, возня с мотоциклом спасала его от горьких мыслей. Мою мать он вспоминал редко, но каждый раз в глазах блестели слезы. Однажды я спросил:

- Папа, ты очень любил маму?

Он смотрел на меня и как будто не видел, казалось, переместился в прошлое. Он вздыхал, сводил брови, и непроизвольно потирал ладонью левую часть груди, где бухало растревоженное неожиданным вопросом сердце. Тогда он мне так и не ответил. А мне этого было и не нужно: понял без лишних слов – любил, любит, не может забыть.

Я не знал, была ли у отца другая женщина. По всей видимости, нет, шила в мешке не утаишь. Или он был изощренным конспиратором. Я пришел к этому «или» позже, когда повзрослел: супротив физического влечения не попрешь.

Однако, мы с отцом весьма схожи – умеем делить любовь и влечение. Только отцу удалось встретить единственную и неповторимую, а мне... пока не удалось. Бывшая жена – не в счет: если бы ее боготворил, то не отпустил бы так просто. Боролся за нее, без всякого сомнения.

Отцу я где-то даже завидую. Не каждому удастся найти ТУ женщину. Ей он остался верен до конца своих дней.

А вдруг у него была веская причина шарахаться от женщин? Как у меня. Неужели он обжегся на своей жене? Неужели она его предала, а он... Не хочу строить необоснованные предположения.

Но тогда почему он не вспомнил о своей супруге в последнюю минуту жизни?

Мне казалось, что перед смертью он обязательно заговорит о матери, как это обычно бывает, скажет, мол, скоро увижусь с Катюшей. Не сказал, не вспомнил. Больше давал мне наставления, уговаривал не быть требовательным к женщинам, и, наконец, жениться. Сколько можно быть бобылем! Очень печалился, что я останусь один. Чтобы его успокоить, я обещал жениться.

Обещания надо выполнять...

Ну, что же, придется провести вечер вдвоем с компьютером, буду героем-танкистом, - подумал я, желая переключиться с грустных дум об отце, навеянных непогодой.

Я забежал в магазин, в котором всегда отовариваюсь, закупился провизией, и шустро потрусил домой, ежась от пронизывающего ветра. Голые влажные деревья стояли по обеим сторонам тротуара и напоминали сказочных страшилищ, которые тянут длинные руки-ветви к одинокому путнику. Но я был не одинок. Впереди меня маячила женская фигура под ярким зонтом, хорошо различимая в свете уличных фонарей. Фигура свернула к моему подъезду, закрыла зонт и начала его усиленно трясти. Потом перешла к поиску ключей. Подойдя ближе, я узнал свою соседку Лидочку.

- Добрый вечер, Лида, - приветливо произнес я.

- Здравсте, - кивнула она, - ключи не могу найти.

Я открыл подъездную дверь и пропустил соседку вперед. Вместе мы подошли к лифту.

- Как дела? – спросил я.

- Нормально, - печально протянула Лидочка, дав понять, что не все в порядке. Тянуть не стала и разоткровенничалась, - обещали сегодня дать зарплату, и не дали. А я хотела в выходные по магазинам прошвынуться, что-нибудь себе прикупить.

Лида, как и многие жители моего дома, работала на том самом заводе, что и мой отец. Она окончила технический университет четыре года назад, когда я вернулся в родной город. Я ни разу не видел ее с кавалерами. Не верил, что у нее их нет – Лидочка была симпатичной и милой. И очень серьезной, и в школе, и в университете была круглой отличницей. Возможно, серьезность отпугивала парней. И еще пренебрежение к своей внешности. Да, Лида была несовременной, одевалась в какие-то старушечьи одежды. Ни мать - молодящаяся особа по имени Виолетта, находящаяся в постоянном поиске мужа, ни бабушка, та самая баба Вера – душевная старушка, безвременно покинувшая нас, не одобряли гардероб дочери и внучки. С Виолеттой мы учились в одном классе. Она не забыла, как я носил ей портфель в начальной школе. С «возрастом» мои интересы поменялись, я увлекся спортом.

- Лида, если тебе нужны деньги, то...

- Я не люблю брать в долг, - перебила она меня. – Ничего страшного, перенесу поход по магазинам на следующие выходные.

Выгрузившись из лифта, я не спешил открывать ключом дверной замок, наблюдал за соседкой, которая безуспешно копалась в своей сумке в поисках ключа. Пока ее внешность не претерпела изменений, но тайна в глазах и желание перемен явно намекали на появление некой персоны мужского пола. Парень сотворил то, чего не смогли сотворить её близкие люди.

- Мать дома? – поинтересовался я.

- Нет, - покачала головой Лида. - Сказала, останется на ночь у подруги. – В голосе явно проскользнула ирония.

- Ты на нее не обижайся, - брякнул я не то, что нужно. И нет бы заткнуться, так продолжил свою воспитательную речь. – Лидочка, ты уже взрослая, необязательно держаться за мамину юбку.

Причина моего занудства ясна – раз у меня отвратительное настроение, то надо бубнить глупо-избитые фразы. Чушь полная. Поговори с девушкой о чем-то веселом. Глядишь, и себе настроение поднимешь, и соседку растормошишь.

- Я за мамину юбку никогда не держалась, мною бабушка занималась... Впрочем, мама не стояла в стороне, - искусственно бодро заявила Лидочка.

- Хочешь, вместе поужинаем? - неожиданно предложил я.

- Мне... неудобно,- промямлила соседка, искоса поглядывая на мой пакет, доверху нагруженный продуктами. Я понял, что она голода.

- Неудобно на потолке спать, одеяло падает, - сказал я избитую фразу. Ну, вот, опять из меня прет глупость.

- Честно говоря, у нас дома шаром покати. Мама готовить не любит, а я... не умею, - призналась она. – Бабушка была знатной кулинаркой. Мы привыкли, что все хозяйство на ней.

- Настроение у тебя под стать погоде. Обещаю тебя развеселить, - загорелся я правильным желанием и одарил девушку ласковой улыбкой. Понадеялся, что она не подумает... чего такого.

- Будете петь и танцевать? – усмехнулась Лидочка, впервые за все время. – Или фокусы показывать?

- Фокусы это по мне. Когда отец в детстве меня ругал за капризы, говорил, хватить фокусы показывать.

Я гостеприимно распахнул свою дверь и пригласил Лиду.

- Я хочу переодеться, - сказала она. Сразу нашелся ключ, она впорхнула в свою квартиру...

Прихорашивание заняло пятнадцать минут. Я успел сервировать стол, разложить купленные салатки по тарелкам, водрузить в центр курицу-гриль, открыть бутылку красного вина. Подумал, что вино это чересчур, слишком похоже на романтический ужин, и засунул бутылку в холодильник.

Лидочка переделалась в парчовое платье цвета «детской неожиданности», как говорили во времена моего отрочества. Я решил, что в этом платье она была в школе на выпускном вечере. К парадно-выходному платью прилагались домашние тапки с дурацкими помпонами и теплые носочки того же цвета.

Явление парадно-домашнего существа без макияжа, не вызвало у меня безумного хохота. Напротив, мне стало искренне жаль эту девушку. Не думаю, что мать не заботилась о ней, не пыталась привить вкус, но Лида отличалась завидным упорством во всем. Возможно, к ней нужно подходить «с заднего крыльца», осторожно поскрести в дверь и тихо прошептать то, что она никак не ожидала услышать. То, что НЕ идет в разрез с ее желаниями. В этом случае она может пересмотреть свои взгляды, что называется «из противоречия». Не знаю, как назвать ее поведение: демонстративный нигилизм, застрявший переходный возраст или желание избавиться от чрезмерной заботы близких, именно матери, которая всегда одета с иголки, ухожена, привлекательна. И все перечисленное дочь считает удочкой для ловли мужчин. Не допускает мысли, что одинокая мать делает это не столько ради мужчин, сколько для себя, из желания раскрасить тусклую жизнь яркими мазками. Порадовать себя, любимую.

Дочь ревнует, злится, старается привлечь к себе внимание другим способом - революционными демонстрациями. В итоге заплутала, сбилась с правильного пути. Сама не знает, что хорошо, что совсем никак. Пример – данный наряд... однозначного цвета, который выбрался из нафталинового шкафа для дружеского ужина в соседской кухне.

Кто, кто, а я-то точно знаю, как Виолетта переживает за дочь, боится, что останется одинокой.

- Хотя бы Лидка ребенка родила, - однажды высказалась мне наедине школьная подруга.

Я не дал ей продолжить мысль о незавидном житье-бытье старой девы, коей может стать ее излишне серьезная и строгая девочка. Именно, девочка. Понимаю, если бы ей стукнул сороковник. В этом случае можно подумать о рождении ребенка «для себя». Виолетта терпеливо меня выслушала,

согласно кивая время от времени головой. После чего доверительно сообщила:

- У Лидочки совсем нет опыта общения с противоположным полом. У нее не те интересы, что у теперешней молодежи. В некоторых вопросах, ты понимаешь, что я имею в виду, она отстает в развитии.

- Разве это плохо? – удивлялся я. – Радуйся и спи спокойно. У тебя не дочь, ангел. Всему свое время.

- Радуюсь, но спокойно не сплю. Ей двадцать пять лет, а она ни с кем не целовалась.

- Откуда ты знаешь?

- Ты... что-то видел?

- Ага, видел. Имею подозрительную привычку поглядывать в бинокль за парочками во дворе.

- И что ты рассмотрел? – на полном серьезе спросила моя школьная любовь, растеряв привычное чувство юмора. Когда речь идет о ее единственном чаде, она становится другим человеком.

- Проехали, - хмыкнул я...

Видела бы сейчас она меня и свою дочь. Точно бы решила, что я ее соблазняя. Правильно сделал, что убрал со стола вино. Ни к чему спаивать ребенка.

Мы с аппетитом поужинали. Особенно налегали на салат с морепродуктами. Болтали обо всем, Лида в очередной раз поразила меня своей эрудицией. И я забыл, что на ней надето. Передо мной сидела симпатяшка с румянцем во всю щеку, с пухлыми губами и озорными глазами. Она спорила со мной, хлопала в ладоши, когда я изменял свое мнение и считал ее правой. Закатывалась хохотом после уместного в данном контексте анекдота, сама делилась смешными случаями из студенческой жизни. Но ни разу не разоткровенничалась об отношениях с парнями в тот мало проблемный период. Но поразила меня наблюдательностью. Я искусно, как мне казалось, перешел на день сегодняшней, чтобы выпытать о

грядущих переменах. Оказалось, что поход по магазинам был вызван предстоящим днем рождения матери. Именно, ей любящая дочь хотела купить обнову.

- Не боишься ошибиться с... размером? – выкрутился я, чуть не ляпнув о разнице вкусов дочери и матери.

- Нет, конечно! У нас с мамулей один размер, буду примерять на себя.

- Не хочешь взять меня в сопровождающие?

- Почему бы нет. Но мы перенесем наши поиски подарка на следующие выходные. Время терпит.

- Предлагаю купить один подарок на двоих. А когда получишь зарплату, вернешь половину. Идет?

- Ну, я не знаю, - засомневалась Лидочка.

- Соглашайся. Вдвоем ходить по магазинам веселее, а на следующие выходные я вряд ли смогу выкроить время. Придется тебе идти одной, фоткать на мобильный понравившуюся тебе вещь и посылать мне для согласования. Замучаешься, так?

- Так, - согласно кивнула девушка.

- Еще чайку?

- Пожалуй, мне пора, поздно уже. Спасибо вам, дядя Ваня, - по-родственному поблагодарила Лидочка, аккуратно задвинула стул, пригладила ладошками вставшее колом парадное платье, придирчиво его осмотрела в поисках пятен. Не нашла, но нахмурилась, словно впервые увидела, что на ней надето. – Да, уж, - с осуждением протянула она. – Как думаете, в ЭТОМ можно пойти на мамин день рождения? Все-таки, у нее юбилей, сорок пять лет.

- Смотри, где она будет его отмечать? – обронил я без задней мысли.

- Дома, конечно, в узком кругу. Сейчас не время для громких торжеств, - опечалилась Лида, вспомнив об ушедшей бабушке.

- Можно и в этом платье, но лучше сделать матери сюрприз и одеться во что-то необычное.

- Например?

- Например, - протянул я, окидывая взглядом стройную девичью фигуру. – Например, надень то, что любит одевать Виолетта. Раз у вас одинаковые фигуры, - выкрутился я.

- Моя мама обожает комбинезоны. А я их терпеть не могу. В них неудобно, - пояснила Лида. – И еще мать любит украшения.

- Ты тоже их терпеть не можешь, - подсказал я.

- Не выношу. Бренчат, как у потерявшейся коровы.

- Я понял: мы купим тебе комбинезон и украшения к нему. Для Виолетты твое преображение будет лучшим подарком. Ты можешь для матери вытерпеть неудобство хотя бы один вечер?

- Могу! – уверенно заявила соседка. Мне показалось, что она мысленно представила себя в новом имидже, и негативных ассоциаций он не вызвал. Не удивлюсь, если, оказавшись в своей квартире, Лидочка станет копаться в материнском гардеробе и примерять имеющиеся комбинезоны...

Оказавшись в прихожей, девушка опомнилась и предложила перемыть посуду, но я отказался, чем весьма ее порадовал...

Посреди ночи меня разбудил требовательный звонок в дверь. Пришлось вылезать из теплой постели и идти на зов неожиданных гостей. Для начала я посмотрел в дверной глазок и увидел Лиду, кутающуюся в махровый халат.

- Дядя Ваня, вы нормально себя чувствуете? – спросила она с порога.

Я прислушался к себе и ответил.

- Будто бы все в порядке. А ты?

- В том-то все и дело, что у меня внутри ураган. Проснулась час назад от болей в животе... Успела добежать до туалета, как меня вывернуло наизнанку...И еще... у меня... диарея, - откровенно призналась она. - Это отравление. Думаю, дело в салате из морепродуктов. Надо вызывать «скорую». С пищевым отравлением не шутят. Конечно, я предприняла кое-какие меры – выпила целую упаковку активированного угля, но пока улучшение почти не наблюдается. Постоянно бросает то в жар, то в холод. – Для подтверждения своих слов она закуталась в халат, доставший ей до пят, и попыталась придушить себя окладистым воротником.

После Лидкиного заявления у меня в животе тоже началась революция.

- Надо выпить марганцовки, и всё... наладится, - страдальческим голосом произнес я.

- Что, у вас тоже? Началось? - подобралась соседка. Я ее не дослушал и исчез в туалете, громко захлопнув дверь.

Я слышал, как Лидочка звонит по телефону «03».

Едва я вышел из ванной, затрезвонил домофон. Лида ответила, после чего распахнула входную дверь в ожидании людей в белых халатах, которые обязаны спасти наши жизни.

Мне было совсем худо. Внутри все бурлило, ноги и руки дрожали, в горле застрял ком и не собирался двигаться на выход. Слюна была тягучей и постоянно собиралась во рту. Постоянно бегать в ванну и выплевывать, у меня просто не было сил, приходилось с трудом ее проглатывать. Лида выглядела бледной, но не жаловалась на недомогание. Больше волновалась за меня. Постоянно успокаивала:

- Сейчас вам помогут, не волнуйтесь.

Мне казалось, что врачи поднимаются в мою квартиру целую вечность. Наконец, появился доктор в единственном экземпляре. Девушка начала ему объяснять, чем вызвано отравление. Предложила заняться мною, ей, видите ли, уже гораздо лучше. Потому как она съела совсем немного «отравляющего» салата, остальное доел я. И еще выпила активированный уголь. Доктор дал ей какую-то таблетку и предложил переместиться в свою

квартиру, чтобы не смущать пациента. Я забеспокоился, спросил, почему доктор приехал на вызов один, без медсестры. На что получил ответ:

- Меньше слов, больше дела.

Лида сочувственно повздыхала и ушла к себе.

- Вы будете промывать мне желудок? Или...

- Или, - перебил меня доктор с роскошными усами а-ля Семен Михайлович Буденный.

Сидевшие на переносице окуляры совершенно не гармонировали с видными усами. В быту моей молодости про такие очки мы говорили «стремные». Не знаю, каким чудом я смог рассмотреть и усы, и окуляры. Сегодня мне точно было не до гармоний и изучений чьих-то внешностей. Просто очки постоянно съезжали с переносицы, и доктор их поправлял указательным пальцем так, как это делал Валерка-интеллигент из моего любимого фильма «Новые приключения неуловимых». А усы шевелились при разговоре и притягивали взгляд. Пока я заикнулся на усах и очках, медик копался в своем чемоданчике. И опять мне вспомнился старый советский фильм из детства - «Приключения желтого чемоданчика». Жаль, этот доктор совсем не похож на героя актера Лебедева. Тот был точной копией добряка Айболита. У этого врачевателя внешность была отталкивающей. Хотя, мне его внешность так же нужна, как голодному псу соленый огурец. Или собаки едят соленые огурцы?

Не думайте, что я тронулся умом, это сработала защитная реакция организма. Естественно, мне нужно знать, какие эксперименты станут проводить над моим организмом, получившим пищевое отравление, но лучше не слышать пугающих терминов. Да, все мужчины ужасные трусы. Не любят лечиться, особенно не приветствуют «дружбу» со стоматологами. Но иногда приходится – нет выхода. Как сейчас у меня. Лидочка поступила верно, вызвав «скорую» помощь. Так гадко я себя никогда не чувствовал. По крайней мере, в памяти похожие случаи не задержались. Мой организм благодарно принимал любую пищу, переваривал даже гвозди.

- ...Дорогой мой, медицина не стоит на месте, - между тем подвел итог своей короткой речи эскулап. Только сейчас я заметил в его руке шприц, наполненный неизвестным составом.

- Мне гораздо лучше, может, не нужно применять ко мне новинки медицины.

- Взрослый человек, а ведете себя, как маленький мальчик. Одна внутривенная инъекция, и будете, как новенький.

- Я...

- Не надо бояться.

- Я не боюсь.

- Отлично.

Я закрыл глаза и отдался во власть медика.

- Ну, вот и всё, а вы боялись. Лежите спокойно и не двигайтесь.

Мне показалось, что голос доктора изменился. Он перестал быть мурлыкающе-осуждающим. В голосе сквозило удовлетворение и довольство собой.

Наверное, у меня голосовые галлюцинации, но мне показалось, что этот голос я слышал ранее. Он был мне знаком.

Я с трудом поднял тяжелые веки. Усатый доктор стоял ко мне боком, в согнутом состоянии, и собирал свой саквояж. С трудом ворочая языком, я спросил:

- Мы с вами раньше не встречались?

- Все может быть, - пространно ответил усач, прихватил саквояж и, не прощаясь, исчез в прихожей. Я услышал, как открылась и закрылась входная дверь.

Руки и ноги онемели, сердце начало тревожно подскакивать в груди. Я с трудом поднялся с дивана, доковылял до окна. Захотелось еще раз увидеть странного доктора.

Возле подъезда не стоял автомобиль «скорой помощи», что меня озадачило. Я решил, что доктор успел выйти, и машина уехала. Но я ошибался. Усач вышел и пружинистой походкой направился к легковушке, стоящей под каштаном, растерявшим к ноябрю свою роскошную листву. Я видел, что он разговаривает по мобильному телефону.

Я держался на ногах из последних сил. Сердце ныло и плакало, в висках стучало так сильно, что мне казалось, что внутри головы расположилась колокольня.

- Боже мой! Лида! – дошло до меня. – Он дал ей какую-то таблетку.

Я с трудом помню, как добрался до входной двери. Не помню, сколько заняло по времени элементарное открывание дверного замка. Держась за стену, я достиг нужной квартиры и надавил кнопку звонка.

Я не услышал трели за буханьем в моей голове. Позвонил еще раз, еще, еще. Лида не открыла. Тогда я собрал все силы и стукнул кулаком по двери.

И тотчас отключился. Последнее, что я почувствовал, это холодный цементный пол подъезда у своей щеки...

Я шел по пустыне и умирал от жажды. Пить хотелось ужасно. Миллион рублей за стакан живительной влаги, думал я, увязая в песке по колени. Я отчетливо видел себя со стороны. Я был похож на товарища Сухова из «Белого солнца пустыни». Та же винтовка, тот же вещевой мешок и старенький чайник. Чайник был пуст, иначе я напился бы вволю.

Раз я вижу себя со стороны, значит, я умер? – мелькнула убивающая мысль. – Но если бы я умер, то видел бы себя лежащим на цементном полу, в подъезде, у двери Лиды... Что же с Лидой?

В пустыне ее не было.

Откуда-то издали донесся знакомый голос. Кто-то пересказывал мне прогноз погоды. Оказывается, за окном льет дождь, ветер умеренный, к вечеру обещают похолодание. Дождь сменится мокрым снегом.

Хорошо бы, - подумал я, - можно открыть рот и получить хотя бы минимальную порцию питья... Какой же снег в пустыне? – опомнился я. Чтобы выразить синоптику свое возмущение, надо для начала открыть глаза. Понять, кто перед тобой и, в зависимости от крепости связей, сориентировать свое обращение.

Оказывается, открывать глаза так же сложно, как поднимать тяжелую штангу. Но мне это удалось после нескольких неудачных попыток. Удалось открыть глаза, а не поднимать штангу, конечно же.

Передо мной сидела Виолетта, мать Лидочки, по совместительству моя любовь из начальной школы. Уловив мое пробуждение, она слетела с места, оттолкнула от себя дверь и прокричала:

- Скорее врача, он пришел в себя!

Врач не замедлил явиться, а Виолетта указала на меня и коротко объявила:

- Вот!

Можно подумать, кроме меня в больничной палате был кто-то еще. О том, что я нахожусь в больнице, я понял сразу, без дополнительных Виолеттиных призывов. Обоняние и на этот раз меня не подвело. Больничные запахи с другими не спутаешь. Я открыл рот, чтобы спросить, что со мной, но из горла вырвались какие-то хрипы. Я проделал небывалую по сложности работу, устал и закрыл глаза. Доктор чудодействовал надо мной, прикладывал что-то холодное к груди, что-то приклеивал, что-то тихо говорил то ли Виолетте, то ли медсестре. Возле меня что-то щелкало, успокаивающее убаюкивало. Взяв паузу на отдых, я снова открыл глаза.

- С вами уже все в порядке, - доложил мне молодой и уверенный в себе медик. Безусый медик, что меня порядком успокоило. С некоторых пор ненавижу усатых мужчин. Они внушают мне подозрение и опаску.

- Что... со мной... случилось?

- Инфаркт. Но помощь подоспела вовремя, - доктор кивнул на Виолетту. – Если бы не она, все могло закончиться весьма плачевно.

- Летального исхода удалось избежать и на этот раз, - произнес я более звучным голосом.
- С сердцем не шутят, - философски заметил доктор.
- У меня никогда не было проблем с сердцем.
- Все так говорят. Вы не обращали внимания на звоночки...
- Вы что-то не договариваете?
- Хотите начистоту?
- Хочу.
- Вам ввели в кровь калия хлорид. Ионы калия нарушают электролитический баланс крови и блокируют деятельность сердца. Все выглядит, как обычный инфаркт или вызванная сосудистая смерть. Обычный анализ крови не обнаруживает токсичных веществ, они могут быть выявлены при анализе крови на электролиты.
- Спасибо, что... выявили. И спасибо, что спасли меня, - поблагодарил я, путаясь в своих нерадостных мыслях. – Этот хлорид калия так опасен? И что он, вообще, из себя представляет?
- Калия хлорид – химическое соединение, формула KCl, калиевая соль соляной кислоты. Образует белое вещество без запаха. Относится к структурному типу NaCl. Внутрь вводят в виде 10% раствора. Чтобы заполучить проблему, подобную вашей, необходимо ввести раствор калия хлорида слишком быстро, и это вызвало развитие гиперкалиемии... Но сначала вы получили порцию калия хлорида с пищей, что вызвало пищевое отравление со всеми вытекающими последствиями. Но проникновение этого вещества через рот не может привести к летальному исходу. Иное дело – попадание в кровь.

Доктор произносил незнакомые термины «гемодиализ», «перитонеальный диализ», но я не слушал, видел только его шевелящиеся губы. Мой слух отключили. Я думал о еще одном дне моего рождения.

Мне опять повезло... Второй раз за неделю.

Сначала пятого ноября. Потом девятого. Нет, это уже была суббота, десятое ноября.

Нужное теперь удалось подчеркнуть – меня хотят убить. Вторая попытка тому доказательство.

Я не слышал, как удалился доктор, закончив свои заумные пояснения. Рядом зашуршали, заскрипел стул, на мою руку опустилась ласковая женская ладошка.

- Ваня, - позвала меня Виолетта, - ты меня слышишь?

- Что с Лидой? – спросил я так грозно, что женщина дернулась и чуть не свалилась со стула.

- С Лидой? С Лидой все нормально. Почему ты спрашиваешь?

- Разве она тебе ничего не рассказывала?

- А что она должна была мне рассказать? – подобралась испуганная мать.

- Сегодня суббота?

- Суббота, - подтвердила Виолетта, странно посмотрев на меня. - Тебе повезло, что я вдрызг разругалась со своим бойфрендом и уехала из ночного клуба. Вернулась домой и застала тебя лежащим возле своей двери. Ты хотел попросить помощи у моей дочери, но не смог ее разбудить? Я сама ее с трудом растормошила, пока ехала «скорая». Она не могла мне сказать ничего вразумительного, что-то проямлила и снова завалилась спать. Соня-засоня.

- Сегодня ты звонила Лиде?

- Конечно, позвонила и сказала, что я у тебя в больнице. Она пробормотала, что еще спит, и отключилась.

- Здорова, и то ладно.

- Иван, теперь ты выкладывай все начистоту!

- Придется. Мне надо с кем-то посоветоваться...

Во время моего откровенного монолога, дверь палаты в очередной раз открылась, и появился уже знакомый мне следователь.

- Здравствуйте, Иван Капитонович, - с осуждением поприветствовал он меня.
– Вы снова скажите, что все случившееся с вами это ошибка?

- Путаница, - хмыкнул я. Задумался, и выдал, - а ведь усатый доктор был не кем иным, как тем самым человеком, которого я подвозил в ночь с воскресенья на понедельник. Нацепил очки, приклеил усы, которые притянули все внимание, слегка изменил голос, закартавил, и я его не узнал. Тем более, мне было не до узнаваний. Покупным салатом я отравился не слабо. И Лидочка, моя соседка, тоже. Это она подняла шум. Она же вызвала неотложку, и... приехал это типчик с приклеенными усами. Цирк, да и только. Но откуда...

- Вскоре после вызова в диспетчерскую скорой медицинской помощи перезвонили и отменили вызов. Значит, ваш приятель был готов явиться к вам вместо настоящих медиков, чтобы ввести вам калия хлорид. Если бы не своевременная помощь, вы бы скончались от инфаркта. Это показало бы вскрытие. О стороннем вмешательстве никто бы не узнал, потому как не стали брать специфические анализы, способные установить истинную причину смерти.

- А Лида? Она знала об отравлении, видела доктора. Он ей дал какую-то таблетку и выставил из квартиры.

- У меня уже был разговор с вашей соседкой.

- Когда это вы успели?

- Зря вы не доверяете правоохранительным органам, - осудил меня следователь. – Общением с Лидой дело не ограничилось, пришлось посетить магазин, где вы накануне купили пресловутый салат. Продавец вспомнила, как вчера ей «изрядно потрепал нервы» один вредный покупатель. По описанию он похож на вашего «приятеля». Каким-то образом, он добавил в ваш любимый салат с морепродуктами хлорид калия. О ваших кулинарных пристрастиях он знал. Очень жаль, что не могу отдать салат на экспертизу, но продавщица сказала, что взяла последний контейнер

с салатом домой, поужинала, а ночь провела на унитазе. Извините за подробности, но сейчас не до сантиментов.

- Согласен. Но я всегда покупаю в одном и том же магазине и готовые блюда, и полуфабрикаты, и выпечку, но ничего подобного со мной не было. У них все продукты качественные и свежие. Так что не надо их обвинять в несоблюдении санитарных норм или продаже просроченной продукции.

- Только адвокатов мне сейчас не хватало! - пробурчал следователь. – Ладно, продолжим, - более миролюбиво высказался он, заметив, что я начал зевать и всем своим видом показывать желание уйти в мир снов. - Ваш «приятель» явно заранее ознакомился с вашими вкусовыми пристрастиями, попытался вызвать панику. Явился к вам вместо настоящего врача и попытался вторично отправить вас на тот свет.

- Но мне опять повезло.

- Вань, почему ты мне раньше ничего не рассказывал? – вмешалась Виолетта.

- Это моя невеста, - пояснил я следователю. – Это она меня спасла.

Виолетта недолго переваривала «невесту», потом обратилась к следователю.

- Лида – моя дочь. Значит, лжедоктор всучил ей снотворное? Я побегу домой, к дочери. Уговорю ее прийти в больницу. Пусть у нее возьмут анализы. Мало ли что...

Следователь провел допрос по всей форме, пожелал мне скорейшего выздоровления, предложил подумать о реабилитации подальше от родного дома и удалился.

Я погрузился в сон...

Меня разбудили перешептывания. Я догадался, кто стоит у моей кровати – вне всяких сомнений мать и дочь Плясковы, Виолетта Витальевна и Лидия. Но я упорно делал вид, что крепко сплю. Потоптавшись и пошептавшись, они не стали меня тревожить и удалились.

Пусть не думают доктора и полицейские, будто я ни бум-бум в химии. Я отлично знаю, что из себя представляет химическое соединение, которое сначала мне скормили, а затем быстро ввели в кровь, и... Как там сказал мой доктор? Нарушили электролитический баланс крови и заблокировали деятельность сердца. Обалдеть...

Вот зацепил чем-то я этого мужика! Интересно, чем? Даже на преступление пошел... Причем, дважды. Не удивлюсь третьему разу. Повезет или не повезет? Ах ты, русская рулетка!

И пять же – надо нужное подчеркнуть – какой способ убийства он выберет на этот раз? Пытался меня взорвать, пытался отравить. Назовем последнюю попытку отравлением, пусть так. Что же еще? А если удушение? Подкараулит в подъезде пока я не пришел в норму – справиться со мной так же легко, как с подростком, накинёт на шею удавку и... прости-прощай, Одесса-мама!

Я спокойно размышлял о следующем способе моего устранения, словно речь шла не обо мне, а о герое моего детективного романа, который мне еще предстоит написать. Я старался отключиться от мыслей, напролом лезущих в мою голову. Эти мысли приводили меня к определенным выводам – у преступника был сообщник из моего окружения. И этим сообщником может быть Лидочка Пляскова. Она больше других подходит на эту роль. Непривычная к мужскому вниманию, она легко купилась на комплименты и ухаживания немолодого кавалера. Лида не знала своего отца и автоматически потянулась к человеку, гораздо старше нее. Ей импонировала его отеческая забота. И еще тайна, которой он окружил их встречи – не хотелось, чтобы кто-то узнал о свиданиях. Девчонки любят тайны, секретки. Теперь понятно, почему у девушки возникло желание преобразиться. Покупка подарка матери это всего лишь уловка, причина заговорить со мной: обещали выплатить зарплату, не выплатили, а так хотелось прошвырнуться по магазинам, купить подарок.

У Лиды и ее поклонника все было расписано заранее. Она попалась мне на пути, изобразили из себя брошенную собачку, я сжалился и пригласил к себе на ужин. И если бы не пищевое отравление моей знакомой продавщицы из магазина, я бы решил, что салат с морепродуктами напичкала... известным химическим соединением не кто иной, как моя дорогая соседка. Но нет, это

сделал ее сообщник, прямо в магазине, когда пудрил продавщице мозги. Об этом она сама поведала следователю, обозвал покупателя противным субъектом, порядком потрепавшим ей нервишки. То просил одно, то другое, то требовал открыть контейнер с очередным салатом, чтобы понюхать – а вдруг салат давно прокис! Дата на коробке не усыпила его бдительность. Продавщица отвлеклась, а он добавил в оставшиеся два контейнера с салатами эту гадость. На вкус это не повлияло, пища стала слегка соленее.

Но как ему удалось подговорить Лиду? Она такая правильная и серьезная девица. Любовь... Ради нее пойдешь на все. Вот и весь ответ.

Ночью Лида должна была явиться ко мне, и пожаловаться на недомогание. Так она и поступила. После чего «подключился» я – у меня отравление сработало позже по причине крепости желудка... Или она разыграла отравление? Ела она салат или нет? Не помню. У меня нет привычки следить за своими гостями, не считаю, кто и сколько ест. Может быть, Лида употребляла в пищу салат с морепродуктами, не боясь последствий, она заранее знала, что ничего страшного не случится. И все-таки, как он ей объяснил свою затею?..

Вызов в диспетчерскую «скорой медицинской помощи» был, тому есть подтверждение, как и подтверждение того, что вызов отменили. Отменили после того, как Лида предупредила своего сообщника. Он тотчас явился в мою квартиру, на моих глазах всучил девушке таблетку... Кажется, это было безобидное снотворное. Мать с дочерью это обсуждали, стоя у моей постели. Снотворное в малых дозах еще никого не убивало. Но служило... неким алиби. Это да.

И что теперь? Отбыть подальше для реабилитации, как советовал следователь? Или разбудить буйную фантазию, и подумать о следующей попытке моего устранения? И опять же - нужно подчеркнуть...

Однако игры «догони-устрани» меня раззадорили. Вырвали из безмятежного существования. Появился какой-то азарт, желание перехитрить, переиграть. Но как узнать о преступных планах? Следить за Лидой? Тем самым, можно выйти на ее бойфренда, а там будет видно...

Через три дня доктор выписал меня из больницы по моему горячему настоянию, прописав постельный режим. Виолетта торжественно пообещала следить за мной и следовать всем рекомендациям. Она напомнила мне и сообщила молодому медику, что имеет диплом о среднем медицинском образовании. Это было давно, по специальности она проработала не больше пяти лет, потом переключилась на астрологию. В астрологические прогнозы не верила, но активно вешала лапшу на уши своим многочисленным клиентам, коих было немало. Виолетта не слишком разбогатела, но на жизнь никогда не жаловалась.

Напоследок доктор напомнил, что климат мне лучше не менять. Провести неделю дома, в лежачем положении, а потом можно поехать в санаторий, опять же недалеко.

Виолетта окружила меня материнской заботой. Я никогда на себе не ощущал подобную заботу, но теперь понял, какой она может быть

Женское внимание было ненавязчивым, большую часть времени я проводил в одиночестве. Читал, смотрел телевизор и напряженно ждал визита Лидочки. Девушка не приходила, чем меня слегка удивила – должна была держать руку на пульсе. Наверное, пока не был разработан новый план моего убийства. А о состоянии здоровья дочь узнавала у матери.

Однажды я не выдержал и спросил у Виолетты о Лиде, о ее поклоннике. Раньше мать постоянно выказывала свою озабоченность, последнее время эту тему мы не поднимали. Я подумал, что на личном фронте у девушки наметились перемены, потому мать и помалкивает – сглазить боится.

- Лидка молчит, как партизан, - сказала Виолетта, - но мне кажется, у нее кто-то появился. Изменила своим юбкам до пят, начала одеваться так, как положено молодой девушке.

- Неужели ты не вытянула из нее признаний? На тебя это не похоже.

- Ага, из нее вытянешь, - хмыкнула мать. – Если честно, не хочу лезть к ней в душу. Надеюсь, сама все расскажет, когда придет время. Глупостей она не

наделает, не пятнадцать лет и ума в избытке. Пытается меня учить уму-разуму.

- Получается? – усмехнулся я, представив, как дочь усаживает мать перед собой и читает морали.

- А Васька слушает, да ест, - поддержала мой веселый настрой соседка.

Моя беспечность пошла на убыль, когда она заявила, что Лидочка хочет меня проведать. Пришлось дать согласие.

Лида пришла с яблоками и бананами. Сказала, что в эту пору в яблоках еще есть витамины, а банан – фрукт, повышающий настроение. Разговор не клеился, мы пристрастно обсудили погоду за окном, мелкие проблемы у нее на работе, предстоящий юбилей ее матери.

- Жаль, меня не будет на празднике, я уезжаю в санаторий, - неожиданно брякнул я.

- Далеко? - излишне поспешно спросила девушка, чем выдала себя.

- Не так чтобы далеко, не так, чтобы близко, - уклончиво ответил я. И применил разработанную тактику: сладко зевнул до хруста в челюсти.

- Заболтала я вас, - хмуро заметила соседка, пожелала приятного отдыха и неспешно удалилась. Хотела о чем-то еще спросить, но боднула годовой воздух и, наконец, ушла.

У меня было состояние человека, переделавшего всю домашнюю работу за ограниченно-короткий период времени. И не так от напряжения в присутствии Лиды, как от гнетущего подтверждения ее вины.

Я позвонил Ульяне Дмитриевне Елиной, своего заму, и предупредил, чтобы она под страхом смерти никому не говорила, в какой санаторий я уезжаю. Именно Елина приобретала для меня путевку. Женщина не задала ни одного вопроса, только сказала, что я могу ею располагать, ежели что. Я подумал и попросил отвезти меня в мой любимый дачный поселок «Чайная роза». Остро захотелось проведать своего любимца, кота Филимона. И поболтать с соседкой Валентиной Максимовной, классной теткой, рядом с которой я всегда отдыхал душой. Ей я тоже не буду говорить, куда направляюсь. И не

потому, что не доверяю, она человек бесхитростный, добрый, заботливый, без плохих мыслей в голове и всегда отвечает добром на добро. К ней придет гражданин, расскажет трогательную историю о нашей якобы старинной дружбе, вздохнет, что не удалось повстречаться, а она и выложит ему всю правду.

Елина только спросила:

- Когда мне подъехать?

- Если вас не затруднит, то через час. Я буду ждать у подъезда...

Свою помощницу я всегда ценил за пунктуальность. Ровно через час ее машина подкатила к моему крыльцу.

Я ничего ей не рассказывал о моих злоключениях ноября. Слухи о взрыве авто до нее не дошли, в больницу я попал с обычным инфарктом, без вмешательства извне.

Ульяне я доверял, как себе. Поэтому положился на нее с покупкой путевки.

Тему моего отдыха в сочетании с лечением мы обсуждали всю дорогу до дачного поселка. Елина говорила, чтобы я ни о чем не думал, она не подведет. Я об этом знал, что не преминул сказать вслух, чтобы пролить бальзам на душу преданного мне человека. Одинокого, как и я.

Возраст Ульяны не так давно перевалил за пенсионный. Пора погружений в прошлое пока не наступила, поэтому я не был знаком со всеми перипетиями ее жизни. Но как руководитель обладал поверхностными сведениями. Елина всегда была «застегнута на все пуговицы», держала всех на расстоянии. Один раз обмолвилась, что в один миг потеряла мужа и дочь, и строго взглянула на меня, чтобы я не перешел черту. Я не перешел, но не сдержался и обнял ее. Показалось, что обнимаю близкого мне человека, старшую сестру, которой у меня никогда не было.

Сколько бы не прошло лет, всегда будут сожалеть о том, что вырос без матери. Заботливый и любящий отец – это не мало, но это половина, пусть чуть больше, но целостности не хватает. У отцов свои обязанности, у матерей свои. Перетягивание несвойственных обязанностей чувствуется, как бы один из родителей не пытался подстроиться. Я не знал, что значит иметь

мать, но я видел отношения своих друзей и их матерей, и делал выводы, огорчающие меня настолько, что я закрывался в себе. Или злился на весь божий свет. Крайним, как всегда, оказывался отец со своим мотоциклом по имени Яшка.

Надо наведаться в гараж перед отъездом, и проверить отцовского подопечного. Давненько я там не бывал. После ухода отца считанные разы. И то только ради моцика, которого я обязан поддерживать в «боеспособном» состоянии, как говорил отец. Он не просил меня об этом, перед уходом о Яшке не вспомнил, но я обязан следить за его подопечным...

Валентина Максимовна купила соседскую дачу три года назад. Я очень удивился, когда она начала хозяйничать на участке: насколько я был посвящен в планы прежних владельцев, продавать садовый участок они не собирались. Все произошло спонтанно. Испугались, что значительно вырастет налог на землю, а они люди глубоко пожилые, новые налоги не осият, и поспешили избавиться от обузы, пока цены не упали.

Так моей новой соседкой стала Валентина Максимовна. Тоже женщина одинокая. Хотя, говорила мне, что есть сын. Но его я его ни разу не видел. Небось, куролесит по белу свету, как когда-то я. Начнутся у матери проблемы со здоровьем, одумается, прилетит. Надеюсь на это. А если не прилетит, то я возьму все заботы о соседке на себя.

Завидев автомобиль, приткнувшийся у соседских ворот, Валентина выскочила на улицу в одном халате и тапочках. Когда из машины вышел я, бойко потрусила ко мне, издали возмущаясь.

- Ваня, куда ты пропал?! Я волноваться начала!

- Валентина Максимовна, мы с вами по телефону разговаривали, я сказал, что у меня все в порядке, дел невпроворот. – Я снял куртку и набросил ей на плечи.

- Так занят, что о рыбалке забыл? – не поверила соседка, радуясь и моему появлению, и заботе. Попыталась скинуть куртку и вернуть мне, озябшему

здоровяку, но я ей не позволил. И положил руку на женские плечи, чтобы возврат не повторился.

- Представьте себе, забыл о рыбалке, но не забыл о вас. Потому и приехал.

- Надолго? – поинтересовалась она, зыряка глазами в сторону водителя, не удосужившегося показаться. Это я попросил Ульяну Дмитриевну подождать в салоне, сам не знаю, почему. – А это кто? - не удержалась от вопроса соседка, в голове сквозила явная ревность.

- Это? Так, знакомая, - пространно высказался я, желая проследить за ее реакцией.

- Ванюша, - обратилась она ко мне, придвигаясь вплотную. – Эта... знакомая тебе в матери годится. Никогда не думала, что ты интересуешься ТАКИМИ женщинами. Ты еще молод, тебе нужно жизнь устраивать.

- Семью заводить, - добавил я с хитрой улыбкой.

- Заводят собак, - приструнила меня Валентина. Вздохнула и милостиво разрешила, - зови свою... знакомую чай пить с клубничным вареньем.

- Только дом свой проверю.

- Что с ним станется. Я слежу за порядком.

- За что вам громадное мерси... А где Филимошка?

- Бродит где-то паршивец. К обеду явится, не волнуйся.

Мы выпили вкусный травяной чай с вареньем, я потискал своего лохматого любимца, сообщил соседке, что уезжаю в командировку на неопределенный срок. Поблагодарив за гостеприимство, мы собрались в обратный путь. Валентина Максимовна вышла нас проводить, Филька пристроился у нее на руках.

Ульяна нырнула в салон, я остался рядом с соседкой.

- Ванюша, ты здоров? Неважно выглядишь. Береги себя, мальчик. Привязалась я к тебе. Не взыщи, если что не то сказала. Старики сначала говорят, потом сожалеют, да поздно.

- Тоже мне, старуха нашлась,- каким-то дребезжащим от нахлынувших чувств голосом произнес я и притянул ее к себе. – Как только вернусь, сразу приеду.

- Ты позвони.

- Там связи нет, - соврал я. По дороге сюда Ульяна вручила мне новую сим-карту, которую оформила на себя. Номер знала только она...

Я уезжал почти на месяц, выдержал менее половины. Однообразие и спокойствие поначалу меня радовали, потом начали бесить. Однажды утром я собрал манатки, и уехал домой. На поиски приключений.

За это время я сделал один вывод – в своей помощнице я не ошибся. Ей одной можно доверять. С ней можно откровенничать, советоваться. Одна голова хорошо, а две, вообще, полный кайф. Это я без двусмысленностей говорю. Елина мне в... старшие сестры годится, напоминаю для тех, кто забыл.

Санаторий находился в ста километрах от города, в сосновом бору, такси домчало меня до дома за два часа. Большую часть времени мы провели в городских «пробках».

Я забросил вещи домой, и отправился на работу. Меня распирало острое желание поделиться с Елиной своим приключениями и своими планами. Успел вернуть на место старую сим-карту и позвонить следователю, чтобы узнать последние новости. Новостей не было. И откуда им взяться, если я – объект пристального интереса некоего злопыхателя – отбыл в неизвестном направлении на неопределенный срок...

Я выложил Ульяне всё, как на духу. Она не удивилась моему откровению.

- Чего-то подобного я ожидала услышать. Вы очень изменились за последнее время. И этот инфаркт. Инфаркты на пустом месте не появляются.

- Мною кто-то интересовался? – деловито спросил я, не углубляясь в дебри моих изменений: совершенно не хотелось услышать о затравленном взгляде, треморе рук и верчении вокруг себя, как желании проверить «хвост». Надеюсь, ничего подобного за мою не замечено.

- Только подчиненные, - так же деловито ответила на мой вопрос Елина, сообразив, что сболтнула не то, что хотел услышать начальник. - Их интерес был вызван одним – хотели узнать, сколько времени они еще могут вести вольготную жизнь.

- Совсем от рук отбились без меня?

- Не так, чтобы очень. Но вы же знаете, Иван Капитонович, я не могу быть жесткой.

- И не научились отказывать. На вас грузят и грузят чужие задачи, а вы везете и везете воз на своем горбу. Нет бы, перепоручить дела другим людям.

- Такая уж я уродилась... Иван Капитонович, предлагаю вам временное прибежище. Поживите пока у меня. От отпуска у вас еще две недели осталось.

- Спасибо вам, конечно, но я устал прятаться. Пока не поправил здоровье, чувствовал себя неспособным вступить в схватку, теперь здоров и готов принять вызов.

- Если бы вас вызвали на дуэль это одно, а вам норовят ударить в спину. Вы ничего не знаете об этом человеке. С кем он связан, какие цели преследует...

- Как раз с целями все понятно – он хочет меня... устранить.

- Почему?! – воскликнула Елина.- Если мы узнаем причину его преступного желания, то мы можем его опередить.

- У меня нет никаких мыслей по этому поводу. Но есть маленькая зацепка. Пока непроверенная. Я думаю, в деле замешана Лида, моя соседка, дочь Виолетты Плясковой.

- Это дочь Веры Геннадьевны Плясковой, ныне покойной? Она в молодости дружила с моей матерью, именно от нее я слышала это имя. Мама всегда отзывалась о ней очень хорошо. Потом их пути разошлись. Так сложились обстоятельства. Странно, я не знала, что она ваша соседка. Была.

- В разговоре я никогда не упоминал, не было причины, а у меня в доме вы редкий гость.

- Вы от меня на работе устаете... Мне не верить, что внучка Веры Геннадьевны замарана в этом деле. Вы сами сказали, что ее воспитанием занималась бабушка. Она не могла воспитать плохого человека.

- Это все высокие слова. Мне пора...

- Иван Капитонович, вы на меня обиделись? Ждали от меня конструктивных предложений, а я стала адвокатом незнакомой мне девушки.

- Без обид, - сказал я и выставил вперед две ладони. – Хочу багаж разобрать, продукты купить. Холодильник пуст. И в гараж не мешало забежать. Отцовский мотоцикл нуждается в постоянном уходе. Все-таки раритет.

Да, доводов я привел миллион, особенно веским был уход за Яшкой. С корабля на бал, ничего не скажешь.

Мне зверски захотелось улизнуть. Возможно, я повел себя некрасиво, но откуда-то взялась нервозность, выпрыгнула боязнь услышать что-то нелицеприятное, после чего я потеряю единственного человека, которому я всецело доверяю.

- Может, я на что сгожусь? – улыбнулась женщина. Улыбка была натянутой. Ей совсем не хотелось улыбаться. Ей хотелось мне в чем-то признаться. – Могу купить продукты, обещаю не сдабривать их отравой. Извините, глупая шутка получилась. После ваших признаний я не в себе. Хотя, и ожидала неприятных известий.

- Спасибо, сам справлюсь. До завтра.

Я сразу направился в свой любимый магазин, но на полпути передумал. Двинул на остановку и вскоре катил по направлению к тому самому супермаркету, где слушал патлатого барда...

Бард был на своем месте и снова выводил жалостливую песню. Почитателей его таланта, обладателей «завидной» внешности, рядом не наблюдалось. Прохожие прибавляли скорость, проходя мимо исполнителя авторских песен, один я встал столбом. Нытик решил расстараться, чтобы меня разжалобить и получить денежку. Но я скрестил две руки перед собой,

предлагая ему закруглиться. Подобные жесты он увидеть не ожидал, и тотчас заткнулся, заключительно поведя пальцами по струнам гитары.

- Чего тебе? Ты кто? – спросил он сиплым голосом.

- Просто прохожий. Один раз имел удовольствие тебя слушать. Как раз выпал день военного разведчика. Имеешь непосредственное к нему отношение?

- Контрактником служил в разведроту. Потом меня комиссовали... по здоровью. Теперь мыкаюсь, как неприкаянный.

- Специальность есть?

- Токарь третьего разряда. До армии был токарем.

- Работать по специальности хочешь? Не устал глотку драть за гроши? Здоровый мужик, а нюни разводишь, как баба.

- Сам ты... баба. Авторская песня – мое призвание.

- Еще раз спрашиваю – хочешь устроиться на нормальную работу? Могу замолвить за тебя словечко.

- Так ты ж меня совсем не знаешь. Могу и подвести.

- Не знаю почему, но я верю твоему слову. Если слово дашь, что будешь честно работать, я тебе поверю.

- Не врешь? Честно сказать, мне все осточертело. И глотку драть, как ты сказал, и жизнь, вообще.

- У всех бывает депрессия. Главное, чтобы она не затянулась, крыша окончательно съедет.

- Я на грани. Семьи нет, нормальной работы нет... Все плохо. – Бард присел на парапет, бережно пристроил рядом свою гитару, изучил свои руки, потом вскинул голову, пронзил меня недоверчивым взглядом и спросил, - а тебе это зачем?

- Хочу тебе помочь.

- Пожалел, значит.

- С чего бы мне тебя жалеть, ты не инвалид, не калека. Руки, ноги есть, голова, по всей видимости, варит, только мозги направлены не в ту сторону. Если все сложится, золотых гор не обещаю, поначалу будешь учеником, а потом все в твоих руках.

- Куда хочешь меня пристроить?

Я назвал свой завод. Именно, свой, я имел к нему непосредственное отношение. В моем подъезде жил хороший мужик, он руководил механическим цехом. К нему я собирался обратиться с просьбой. Брат шефство над людьми, потерявшимися по жизни, было у него в крови. Не думаю, что он мне откажет. Основная причина в моем отце, уважал он его безмерно.

- Так я живу неподалеку, - подхватился бард. – На этом заводе работал до армии.

- Видишь, как все здорово складывается. Я сейчас забегу в супермаркет, а ты пока пой свои гимны. Потом, не откладывая дела в долгий ящик, отправимся к нужному человеку. – Я посмотрел на свои наручные часы. – Надеюсь, он уже дома.

- Больше не хочу петь. Как отрезало.

- Дождешься меня?

- Дождусь. Спасибо тебе. Ты первый, кто предложил мне свою помощь...

Впервые мне было дело до совершенно незнакомого человека. Наверное, после двух неудачных покушений на мою жизнь, я стал другим...

В середине декабря воздух пропитался предстоящими новогодними праздниками. Хлопоты захватили и меня. Наш досугово-развлекательный центр «Электрон» готовился к елкам для детей и взрослых.

Видимо, полное выздоровление не наступило. Я ужасно уставал, привычные хлопоты не действовали на меня, как наркотик. После бессонной беспокойной ночи я чувствовал себя совершенно разбитым. Весь день ходил, как сомнамбула, и мечтал о тишине и покое. К безумному

переутомлению подключилась депрессия. Я мысленно жаловался на всех и вся, готовился к концу света, поочередно ненавидел знакомых и просто прохожих. Беспричинно меня часто охватывала тревога. И тут же следовал вывод – скоро конец. Конец всему. На работе я оживал к концу дня, приходил домой и постепенно возвращался в состояние психоза. Не мог понять, почему сердце начинает взволнованно биться, будто предупреждает об опасности. Несколько раз в служебное время даже посещал медпункт, чтобы измерить кровяное давление. Давление постоянно было повышенным, от препаратов, которые мне всовывала медсестра, я упорно отказывался. Само пройдет, - отвечал я. Усиленно пытался бороться с недомоганием, пил витамины, чай с лимоном, заваривал шиповник, который мне дала Валентина Матвеевна. Все спихивал на повышенное давление, потому и бегал в медпункт, хотел убедиться. Выявленная причина недомогания меня вполне устраивала, на повышенное давление я переводил психоз и сопутствующие ему неприятности в организме. Кому захочется найти подтверждение своему умопомешательству?!

Как манны небесной я ждал очередных выходных. Еще одна рабочая неделя меня окончательно доконала. В субботу собирался повозиться с мотоциклом и поехать на дачу. Подледный лов меня не занимал, хотелось сидеть в теплом доме Валентины Максимовны, пить чай с вареньем и слушать ее голос.

Возиться с Яшкой совсем не было сил. Но в гараж все-таки заглянул. Совестно стало – столько времени собирался и постоянно откладывал. Мотоцикл терпеливо ждал нового хозяина, укрывшись старым брезентом. Отец любил порядок во всем, гараж не был исключением из правил. Многочисленный инструмент лежал на многочисленных полках. Если у меня хобби – рыбалка, то у отца было иное хобби – покупка нового инструмента. Я спрашивал, зачем ему странное приспособление для резьбы по дереву? На что он отвечал: «Авось, на пенсии пригодится». В таких случаях моя соседка по даче говорит: «Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало». Я с ней полностью согласен.

Я сдернул с моцика брезент, любовно погладил его, как его делал старый хозяин, немного поболтал с ним о жите-бытье. Так отвратительно себя чувствовал, что не сдержался и пожаловался.

- Будто все силы из меня ушли. Не понимаю, что происходит? Может, поехать на дачу, подышать свежим воздухом? Как думаешь? Хочешь со мной?

Яшке было комфортно в своем «доме», под «одеялом». Я его укрыл, провел взглядом по полкам, сделанным руками моего отца, и пошел восвояси.

По дороге домой не мог отделаться от ощущения, что в гараже было что-то не так, не на своем месте. Хотел вернуться, но передумал.

Дома вызвал такси, собрал гостинцы для Валентины Максимовы и поехал в дачный поселок. Нехитрые сборы так меня вымотали, что по дороге я уснул. Это был не сон, полуявь. Вспоминалась в тумане случайная встреча с Лидочкой на лестничной площадке. Я спросил, как у нее дела. Она ответила:

- Лучше всех!

- Куда пропала Виолетта?

- Деньги зарабатывает, - доложила ее дочь. – Всем хочется узнать свой гороскоп на предстоящий год...

Ни беспокойства, ни терзаний совести я у Лиды не заметил. Передо мной стояла счастливая девушка, у которой жизнь складывается удачно.

Я вновь и вновь представлял Лиду. Оценивал ее с разных сторон, как художник. Всё пытался найти неискренность, враждебность или боязнь, и не находил. Девушка беспечно болтала, совсем недолго, сказала, что торопится и полетела. Думаю, на свидание с парнем. Хорошо бы с парнем, а не с мужиком под пятьдесят, который поставил себе цель в жизни, уверенно идет к ней и не сворачивает.

Когда же я в очередной раз встречу на его пути?

Выходные дни пролетели в безмятежном ничегонеделании. Валентине Максимовне не потребовались лишние объяснения, мои внутренности она просветила своим взглядом-рентгеном и принялась меня лечить всевозможными домашними средствами. Не знаю, что помогло больше –

лечение наложением ее рук к моей несчастной голове или неусыпная забота, но домой я вернулся посвежевшим и полным сил.

Жаль, хватило меня ненадолго. Утро понедельника я еще встретил полубодрячком, вечером вернулся просто уставшим человеком, а во вторник не смог подняться с постели. С непониманием взирал на подушку, усыпанную моими волосами. За последнее время я расстался со значительной частью своей шевелюры. Конечности были чужими и меня не слушались. Как я не пытался, спустить с кровати ноги, мне это не удалось. Я смог только сбросить подушку на пол, и то с четвертого раза, чтобы не видеть свои потерянные волосы. Выместив на подушке зло, я совсем выдохся.

С трудом позвонил Елиной. Благо, мобильник лежал рядом и не полетел на пол вместе с подушкой.

Хорошо, что снабдил свою помощницу ключами от квартиры. Когда я не открыл дверь, она, не раздумывая, проникла внутрь, и нашла меня в полубессознательном состоянии...

Так я снова оказался в больнице. Взятые анализы удивили не только меня, но и моего лечащего врача. Того самого безусого молодого человека. Оказалось, опыт и молодость – понятия совместимые...

Первое, что попросил меня доктор – это показать мои зубы. Что я и сделал без лишних вопросов. После чего у меня взяли анализ мочи.

Не прошло и получаса, как я знал свой диагноз.

Меня долго и целенаправленно травили парами ртути. Именно, парами, сама ртуть, как мне стало известно, неопасна.

Все эмоции я давно растерял, поэтому принял новость спокойно. После всех необходимых процедур, продлившихся несколько часов и вернувших меня к жизни, я принялся допрашивать доктора.

- Где могла быть спрятана ртуть? И откуда ее могли взять?

- Из обычного термометра, - ответил мне доктор, знающий ответы на все вопросы. – Сейчас не так просто купить в аптеке термометр старинного образца. Всё больше новомодные. Но в каждой доме есть ртутные градусники. Был он и у человека, совершившего злодейство. Хорошо, что один, а не два или три, в противном случае, влияние паров ртути на ваш организм было более действенным и быстротечным. Допускаю возможность того, что ртуть была запрятана не в той комнате, где вы проводили большую часть времени.

- Незадолго до всех событий я перебрался в другую комнату, в спальню моего покойного отца, в ней уютнее и теплее. Коммунальные службы не спешили запустить отопление, на улице сильно похолодало, а моя спальня угловая. Пришлось переехать в другую комнату. Переехал и задержался.

- О ваших перемещениях никто не знал. Это вас и спасло.

- Опять спасло... Получается, что преступник многое обо мне знает... Но не все... Значит, все-таки Лида...

- Какая Лида? – спросил следователь, зашмыгивая в мою палату, как к себе домой.

- Полина Аркадьевна, у меня складывается такое чувство, что это ваши проделки, - обратился я к следователю. Забыл сказать, что следователем была приятная во всех отношениях женщина лет тридцати пяти. Ранее я ее воспринимал, как существо среднего рода. Надо было надышаться парами ртути, чтобы у меня открылись глаза. – Вот скажите, зачем вы хотите меня угробить? Я знаю ответ! Преступность пошла на убыль, заняться нечем, того и глядишь, сократят за ненадобностью. Вы решили найти себе работу. И все удачно сложилось – с первого раза не отправили меня на тот свет. Работенки привалило.

- Я рада, Иван Капитонович, что вы в хорошем настроении. Признаюсь, ожидала увидеть живой труп.

- Это я перед вами хорохорюсь. Но если честно, то четвертого раза точно не вынесу. Распростился с азартом.

- Вы упоминали Лидию Пляскову? – напомнил следователь. Напомнила майор юстиции Полина Аркадьевна Шепилова.

- Вам слышалось. Не надо наводить тень на плетень.

- Госпожа Елина, ваш зам...

-Только не надо трогать Елину!

- Не трогаю я вашу Елину. Хотела сказать, что она стала временной хозяйкой вашей квартиры.

- В смысле?

- Приняла сотрудников аварийно-спасательной службы, которые с помощью специальных технических средств – экологического газортутного анализатора - обнаружили местонахождение ртути: за плинтусом в вашей спальне. И провели демеркуризацию. Так что можете спокойно возвращаться в свою квартиру после полного выздоровления.

- И спокойно ждать следующего выпада моего дорого друга, - ей в тон проговорил я.

- Я работаю, Иван Капитонович.

- Я не сомневаюсь, - более миролюбиво сказал я и непроизвольно остановил взгляд на ее круглых коленках, выглядывающих из-под форменной юбки. – Полина Аркадьевна, а вы замужем?

- Раз вы идете на поправку, я могу задать вам несколько вопросов.

- А на мой вопрос ответить не хотите?

- Я замужем, у меня трое детей.

- Завидую вашему супругу, - ляпнул я...

Далее непринужденная кратковременная беседа переметнулась в другое русло. Я отвечал на вопросы следователя. И изо всех сил старался не видеть в ней женщину.

Впервые за все годы меня зацепила за живое Женщина. Женщина в погонах. Женщина с круглыми коленками. Женщина с красивым ртом.

Женщина с серыми, как осеннее небо, глазами. Женщина с милым курносый носиком. Когда ей что-то не нравилось в моем поведении, она морщила нос, собирала свой хорошенький носик складками. Женщина с необыкновенно тонкими и длинными пальцами.

Замужняя женщина с тремя детьми...

Счастливец ее муж...

После ухода следователя, мне сделали внутримышечный укол, и я уснул.

Слышал, как открывалась и закрывалась дверь, как давал распоряжение медсестре мой лечащий врач, как приходила Елина и о чем-то тихо с ним переговаривалась. Потом они вместе вышли из палаты и больше Ульяна не вернулась. Я пребывал в поверхностном сне. Я не боялся появления своего врага. Следователь сказал, что у моей палаты будет постоянно дежурить полицейский. Я будто ждал кого-то.

И дождался.

Кто-то вошел в мою палату. И сразу шумно зашмыгал носом. Встал рядом с моей кроватью, собрался с силами и сказал:

- Сыночек мой, любимый мой, я тебя чуть не потеряла.

- Мама, - пошевелил я губами. – Мама... мамочка.

Она положила ладонь на мой лоб. Я знал эту руку. Она часто прикладывалась в моей щеке, лбу, руке. Когда ЭТА женщина была рядом, она всегда старалась ко мне прикоснуться, чтобы почувствовать меня, убедиться, что я рядом. Я всегда плавился от этого прикосновения. И не мог понять, почему...

- Ванюша, сынок...

- Валентина Максимовна, мама... - Я смотрел на нее и умирал от счастья.

- Почему ты мне ничего не рассказал?

- Не знаю... Где ты была все эти года, мама?

- Это долгая и трагическая история.

- Я хочу знать. Дело в отце?

- Дело во мне. Твой отец хороший человек... И слишком правильный. Он не хотел, чтобы у его сына была мать-воровка. Лучше пусть она умрет. Для него, для тебя, для всех знакомых. Да, я виновна. Заслуженно получила срок за хищение в крупных размерах. Я работала главным товароведом в центральном универмаге. Обнаружилась крупная недостача. Все вышли сухими из воды, кроме меня... Я согласилась с твоим отцом – такая мать сыну не нужна. Я дала ему слово, что никогда не появлюсь в вашей жизни. Из уважения к твоему отцу никто не рассказал тебе правды обо мне. Да, и мало кто знал правду. Я была чужаком, не заводской. Исчезла из жизни, и все быстро обо мне забыли. Не знаю, что говорил людям Капитон.. Если ты не узнал за все годы правды, то его доводы были убедительными... Ни одна живая душа, кроме Капитона и моей подруги Верочки Плясковой, не знали, что я жива. Но я все о тебе знала благодаря все той же Верочке. Она писала мне длинные письма... Когда Капитон скончался, я собралась с силами и вернулась в родной город. Уговорила твоих соседей по даче продать мне участок, построила хороший дом и стала жить. Сколько раз собиралась с силами и хотела признаться. Но боялась. Ты бы меня не понял. И не простил. А сегодня мне позвонила Ульяна и сказала, что ты едва не умер. И я решилась. Будь что будет, но ты должен знать, что я твоя мать. Плохая мать, мать-преступница, которая по настоянию бывшего мужа отказалась от тебя. Я не его виню, себя. Он поступил правильно. Нельзя мальчику жить с клеймом сына воровки.

- Отец жестоко со мной поступил. Он не имел права лишать меня матери.

- Я обижена на него в одном – он отдал в детский дом мою дочь от первого брака. Если не нужна я, то не нужен мой ребенок... В некоторой степени мне повезло – меня амнистировали по здоровью. Вместо пятнадцати лет я провела в колонии пять. Я заболела туберкулезом. Болезнь развивалась стремительно. Мне давали врачи от силы два-три месяца. Я забрала дочь из детского дома и, и мы уехали с ней в Грузию. И случилось чудо: одна древняя старуха меня вылечила. Я очень хотела жить. Жить ради тебя и дочери. Я надеялась, что придет время, и я прижму тебя к своей груди.

Слезы катились по лицу моей мамы и странным образом попадали мне в уши. Я не сразу понял, что тоже плачу, в уши попадают мои слезы.

Я крепко сжимал ее ладошку своей грубой рукой, боялся, что мама уйдет. Я не верил, что всё это явь, не сон. Этого не может быть. Подобное бывает в сказках. В сказках всегда счастливый конец.

У нас не конец, продолжение следует.

Мы вспоминали мое детство. О раннем детстве, до двух лет, проведенных вместе, я почти ничего не помнил. Лишь отрывочные смутные воспоминания. Чаще виделось во сне, как мы гуляли с мамой в парке, как она держала меня за руку, а я нарочно утыкался лбом в ее руку, словно бодался. Рука была гладкой и пахла земляничным мылом. На всю жизнь я запомнил этот запах.

Мать рассказывала, каким забавным я был мальчуганом. Как не боялся больших собак, но до жути боялся воркующих голубей и шустрых воробьев. Дикий ужас вызывало у меня чучело совы, стоящей на серванте. Чучело досталось матери от деда, заядлого охотника, который со временем стал таксидермистом, что стало неплохим приработком к пенсии. Чучела дед дома не хранил, сразу избавлялся, но чучело совы оставил себе – это было его первой неопытной пробой. В последствие подарил чучело внучке, оставил в наследство.

Эту историю я знал от отца, и едва мать завела разговор о сове, пугающей ее сына, я тут же подхватил тему, чтобы мать не думала, что тема матери была в нашей мужской компании табу.

- Наверное, чучело недолго находилось в квартире? – настороженно спросила мать, таким образом подбываясь к отношению к ней «вдовца».

Я не помнил о своих детских страхах, в сознательном возрасте «вовлекал» сову в свои игры.

- Какое-то время чучело по-прежнему стояло на своем месте, а потом отец собрался его выбросить, но мы с Виолеттой ему не позволили. Где-то в классе третьем это было. Мы гуляли во дворе с моей подругой, ее мать за нами присматривало, что нас дико раздражало – мы считали себя

взрослыми, даже готовились к свадьбе, - усмехнулся я. – И во время наших серьезных переговоров, сидя на качелях, мы заметили, как отец несет на свалку чучело совы. Мы побежали за ним и повисли на его руках с двух сторон. Я причитал, Виолка завывала. Отец объяснил, что чучело рассыпается, по всей квартире летают перья. Ничего оно не рассыпалось, было пыльным, это да, поэтому отец постоянно чихал. Я предложил компромисс – чучело «переедет» в гараж. У нас, как и у многих людей, была привычка – все ненужные вещи перекочевывали в гараж, после редкой генеральной уборки гаража вещи отправлялись на свалку.

- И в итоге туда же отправилось чучело, - договорила без обиды мать.

- Вот и ошибаешься. Моему отцу не нужны были генеральные уборки, у него в гараже всегда был порядок. А ненужным вещам из дома находилось там применение. Чучело «нашло» себе место в дальнем углу, подальше от рабочего места отца. И глаза не мозолит, и пыльный запах не раздражает носоглотку, и особо впечатлительных людей пугает. Это обстоятельство весело меня больше всего. Представь, заглядывает кто-то к отцу в гараж, и начинает ощупывать взглядом полки – интересно, что хозяин хранит на полках. А из угла на него смотрит... живая сова.

О том, как преобразил чучело отец, и что сделал я, все же умолчал.

- Неужели моя сова до сих пор сохранилась? – не поверила мать.

- Конечно,- не очень уверенно произнес я. Положа руку на сердце, я давно не обращал внимания на тот угол, где находилось чучело. Во-первых, редко заглядывал в гараж, а, во-вторых, меня занимал только моцик Яшка – напоминание об отце.

Я собирался спросить мать о ее жизни без меня. Но она отмахнулась, ответила, мол, после как-нибудь. Я заметил, что она пытается собраться с силами и что-то мне сообщить. И эта новость не будет приятной, потому мать и мучается сомнениями.

- Мама, я тебя слушаю. Ты же хотела мне в чем-то признаться?

- Ты прав, сынок. – И она призналась.

Сначала я бешено обрадовался – моей сестрой является... Кто бы вы думали? Ульяна Дмитриевна Елина! Недаром я чувствовал исходящие от нее родственные флюиды. Я обрел в один день мать и старшую сестру! Индийское кино...

Одно не мог понять, что беспокоит мою мать? Почему она прячет глаза и мнетя. На вопрос, где Ульяна, почему не пришла вместе с ней, мама ответила подозрительно скупно:

- Занята.

- Ты чего-то не договариваешь?

- Если быть честным, то до конца, - пробормотала мать, будто уговаривала себя.

- Я готов выслушать любую правду и принять ее стойко, - отшутился я, несмотря на то, что в душе скребли кошки.

- Речь пойдет о твоей дочери, о Марусе.

Упоминание моей пропавшей двадцать лет назад дочери заставило меня онеметь.

- Ульяша была очень счастлива в браке. Ее муж очень хотел ребенка, она долго лечилась, но безрезультатно...

В моей голове быстро сложилась вся комбинация. Я вспомнил, как Елина говорила, что в один миг потеряла мужа и дочь.

- Ты знала? – спросил я и с трудом себя услышал. – Ты знала о планах Ульяны выкрасть мою дочь, свою племянницу.

- Я не знала, сынок. Мы жили далеко друг от друга. Она мне написала в письме, что, наконец, родила ребенка, девочку. О рождении Маруси она узнала от меня. И от меня же знала, что где ты живешь. Источником информации была Верочка Пляскова. Ей обо всем рассказывал Капитон, по соседству... Ульяна предложила твоей жене Людмиле деньги за Марусю. Она поторговалась и согласилась.

- Я не верю!

- Можешь узнать у Людмилы. Но сомневаюсь, что она признается. Людмила получила крупную сумму, развелась с тобой и перебралась в другой город. Удачно вложила деньги в бизнес, вышла замуж, родила двоих детей.

Я вспомнил, как Люда рыдала, как теряла сознание от горя, как обвиняла меня... Неужели можно продать собственную дочь?

- Что случилось с Марусей? – чужим голосом спросил я.

- После... в общем они уехали в Канаду. И через пять лет муж Ульяны и Маруся погибли в автомобильной аварии. Ульяна вернулась на Родину. Если бы не моя забота, ее давно бы не было... Она моя дочь, я не могла поступить иначе. О том, что она совершила, я узнала слишком поздно, когда Маруся погибла.

- Я хочу побыть один...

- Прости, сынок... За всё прости... И Ульяну прости... Если сможешь...

С утра пораньше ко мне в палату нагрянула Виолетта и сразу набросилась на меня.

- Друг называется! Почему я обо всем узнаю последней! Хотела к тебе ночью нагрянуть и высказать свои претензии, но потом охладила свой пыл. Скажи спасибо, сейчас я немного остыла и не буду переходить к рукоприкладству.

- И на том спасибо! Как дела на астрологическом фронте?

- Пока живут на свете простак, обманом жить нам, стало быть, с руки, - воркующим голосом, как у лисы Алисы, пропела моя подруга. – И не нужно меня перевоспитывать! – отрезала она уже совсем другим тоном.

- Занятие это бесполезное, - хмыкнул я, пронзил ее взглядом и спросил, - что-то случилось? Ты какая-то нервная.

- Я всегда такая.

- Не спорю, но ты никогда не умела хранить тайны, всегда вывалила их на меня. Вижу, хочешь мне в чем-то... хочешь мне что-то сказать.

- У тебя тоже вид... загадочный, - буркнула Виолетта Пляскова.

- У меня есть сногшибательная новость... Виолка, моя мать... жива, - заплетающимся языком сообщил я, будто успел принять на радостях грамм сто на грудь. Скорее, сам не верил. – Это Валентина Максимовна, моя соседка по даче. Она боялась мне признаться, думала, я ее никогда не прощу, а когда узнала... из одного источника, что со мной произошло, чуть с ума не сошла. Прибежала в больницу и обо всем рассказала.

- Как это может быть? – насупилась недоверчивая подруга, посчитав меня слегка сдвинутым по умственной фазе, как она любила выражаться в школьные годы.

Я ей коротко пересказал вчерашнюю встречу. Виолетта продолжала смотреть на меня так, как смотрят на здорового верзилу, решившего прокатиться на детском велосипеде: с непониманием и осуждением.

- И как в индийском кино, за этим ошарашивающим известием последовало еще одно – мой зам, Ульяна Елина, не просто зам, а моя сестра, она дочь моей матери от первого брака. И она... двадцать лет назад предложила моей бывшей жене деньги за нашу Марусю. И та, сволочь, согласилась. Еще изображала из себя убитую горем мать! Я ее точно убью теперь! – грозно пообещал я.

- И что дальше? – голосом психотерапевта, беседующего с больным с рецидивом, спросила Пляскова.

- Ты мне не веришь? – взбесился я. – Если не веришь, то я тебя знать не хочу. Двигай отсюда.

- Никуда я не уйду. Хочу дослушать трогательную историю о встрече матери с сыном, о встрече сестры с братом.

- С сестрой я пока не виделся, - поостыл я. – Не знаю, как буду с ней общаться. Моя дочь Маруся погибла в автомобильной аварии. За рулем автомобиля сидел супруг Ульяны. Дело было в Канаде, пятнадцать лет тому назад.

- Смотрю я на тебя, Ванька, и будто впервые вижу. Всегда считала тебя принцем в башне. Ты туда забрался и смотришь на всех свысока. Принимаешь только наложниц и то постоянно разных.

- Наложницы бывают у султана, у принцев – принцессы, - криво усмехнулся я.

- Не допускала мысли, что ты такой наивный. Как же этой женщине удалось тебя обвести вокруг пальца? И зачем ей это нужно? Кажется, я поняла – она тебя раскусила, поняла, на какую проблему тебя можно поймать...

- Нет у меня никаких проблем! – перебил я Виолетту.

- Ты сам не замечаешь, как начинаешь грустить, едва кто-то рядом произносит слово «мама». Твоя соседка по даче влезла тебе в доверие. Спрашивается, с какой целью? – повторила подруга, гипнотизируя меня глазами. – А не кажется ли тебе странным, что она появилась в «Чайной розе» после смерти твоего отца, который мог опровергнуть ее родство с тобой? И особенно стала нарезать вокруг тебя круги, как не стало моей матери, которая лучше других знала твою мать. И знала всю правду.

- Правду? Значит, моя мать не умерла на руках своего мужа, а была осуждена за крупную растрату?

- Так все и было. Мать мне призналась перед смертью. Я ей клятвенно пообещала, что ничего тебе не скажу, если на то не будет веской причины.

- Но Ульяна мне говорила, что ее мать в молодости дружила с твоей матерью, потом их пути разошлись, - пролепетал я, мысленно понимая, что этот довод весьма шаткий.

- И что с того?! Мало ли с кем дружила моя мать! Она была очень общительным человеком. Ульяна старше меня, поэтому лучше всё помнит. Она мне как-то рассказала, что приходила к нам в гости со своей мамой, я была совсем крохой. Не помню, как звали ее мать, как она выглядела... Но это была не твоя мать, это была чужая женщина...

- Надо сейчас же позвонить Ульяне, - загорелся я, не желая слушать подругу, которая была более благоразумна, чем я. Надо говорить и говорить, без перерыва, чтобы она не успела вставить свою реплику. - Я хотел это сделать

еще вчера, после ухода... Валентины Максимовны, но не мог собрать мысли в кучу. Столько новостей на меня вылили...

- Иван, тихо! - рявкнула на меня Виолка. Подсела ближе и начала приговаривать более сдержанно, - спокойно, Ваня, спокойно. – Она вцепилась в мою руку и потрясывала ее в такт своим словам. - Я пришла сюда, чтобы...

- Давай после. Сейчас мне нужно кое-что выяснить у Елиной..

- Не получится... выяснить.

- Это еще почему? Никого ко мне не пустишь?

- Ульяна... она... Ее ночью не стало, - выдохнула Пляскова. Я смотрел на нее с недоверием. – Да, она покончила жизнь самоубийством в твоей квартире, - рублеными фразами сообщила подруга, потупив взор.

Я сглотнул тягучую слюну и осипшим голосом произнес:

- Она испугалась встречи со мной. Всё, сказанное накануне Валентиной Максимовной, было правдой. Всё. И то, что Валентина Максимовна – моя мать, и что Ульяна – моя сестра, которая купила мою дочь у моей жены. Ульяна узнала, что мать мне во всем призналась и убила себя.

- Ваня, тебе надо показаться психиатру. Я этим займусь.

- Я в здравом уме!

- Сомневаюсь. И все понимаю – не каждый человек после стольких стрессовых ситуаций останется в здравом уме и твердой памяти, - монотонным голосом произнесла Виолетта. - Кстати, о памяти... О чем вы вчера разговаривали с этой женщиной?

- Вспоминали мое детство, - автоматически ответил я, пребывая в мыслях о помощнице. – Почему она ЭТО сделала!

- Она не сама повесилась, ей помогли. Так сказал доктор, который приехал с оперативной группой. Твоя следовательша тоже была.

- Быть такого не может! Кому понадобилось ее убивать?! Ульяна добрый покладистый человек, тонко чувствующий... Мать ей сказала обо мне, она...

повесилась. И то, что ЭТО произошло в моей квартире, лишнее тому доказательство. Она... хотела таким образом покаяться.

- Боже мой, как все запущено! – взвилась Виолетта. – Иван, приди в себя в конце-то концов! Что ты заладил, мать, сестра. Твоя мать умерла от туберкулеза в колонии! А сестры у тебя отродясь не было!

- А Маруся? Она жива?.. Если ВСЕ ЭТО выдумки, то Маруся... жива.

- Без сомнения, жива. И возможно, когда-нибудь даст о себе знать.

– Какое счастье, Маруся жива!

- Я рада, что ты рад, но давай перейдем к делу. Так о чем вы говорили с авантюристкой, выдававшей себя за твою мать?

- Мы говорили... обо всем и ни о чем конкретно,- пространно заметил я, кукожась под злобным взглядом подруги, которая нависла надо мной и точно бы перешла к рукоприкладству, если бы не мой удрученно-болезненный вид. – О чучелах говорили,- вспомнил я. – О сове, помнишь ее?

- О той, с красными глазками? - удивленно протянула Пляскова. – Мне она очень нравилась, я у тебя ее много раз выдуривала, хотела обменять на плитку шоколада, но ты ни в какую не соглашался. А потом сова оказалась в вашем гараже.

- Ага, а отец выковырял у нее красные глазищи, чтобы народ не пугался и бросил красные камни на верстак. Хотел найти им применение, но я его опередил. Взял и приклеил «глаза» мотоциклу Яшке. Отец не ругался, долго смеялся. Хотел оторвать «глаза», чтобы людей не смешить, но у него это не получилось, я приклеил их намертво. Пришлось Яшке жить с красными глазами. Но их никто не замечал: мотоцикл красный, глаза красные.

- А ты не зря назвал совиные «глаза» камнями, - задумчиво пробормотала подруга. – Мать мне еще говорила незадолго до смерти, мол, пострадала подруга ни за что, если бы она присвоила такие огромные деньжищи, о которых говорили на суде, их бы нашли, это во-первых, а, во-вторых, богатство как-то вылезло наружу. А ваша семья жила, как все, не лучше, не хуже. Я вот подумала... Об украденных у государства деньгах твой отец не знал, даже не подозревал о том, что жена сидит на больших деньгах.

Новость стала для него громом среди ясного неба. Он чуть руки на себя не наложил от стыда, был честным человеком до мозга костей, дорожил своей репутацией. И если бы не ты, точно бы покончил с собой.

- Я понял, куда ты клонишь: мать купила камни и сделала глаза сове.

- Твой отец бы заметил перемены.

- Он терпеть не мог эту сову! Мог не обратить внимания на изменения в облики чучела. Могу предположить, что у совы имелись до того красные глазенки, допустим, из пластмассы.

- Предположить, - покривлялась Виолетта. – То-то и оно – это одни предположения!

- А что нам стоит проверить. Я был недавно в гараже, снимал с Яшки брезент. Если бы «глаз» не было, я бы заметил. Когда ушел, мучился вопросом, что не так. Показалось, что на стеллажах инструмент лежит не так, будто кто-то что-то искал, но постарался скрыть свои поиски.

- Все ясно, добрались до гаража. Надеюсь, не додумались проверить твоего Яшку. В чем я точно уверена, что все эти покушения организованы твоей соседкой. Наверное, она была знакома с твоей матерью, влезла к ней в доверие и узнала о камнях, глазах-камнях совы. Отсюда и дикое желание узнать о ее судьбе. Раз она пришла к тебе с «признанием», то сову так и не нашла. Твой отец выбросил чучело, когда оно распалась на микроэлементы, и тебе ничего не сказал. Повезло, что глаза у нее забрали задолго до этого. А то бы драгоценные камни оказались на свалке. Вот бы кому-то посчастливилось разбогатеть.

- И столько лет Валентина Максимовна выжидала? Не верю!

- Твой отец был неподходящим источником информации, ты – более доверчив, но ты блуждал по стране, найти тебя проблема. Представляешь ее радость, когда ты попал в поле зрения. А тут еще везуха – не стало твоего отца, уж прости меня за прямоту. Теперь она могла без проблем втереться к тебе в доверие. Подружиться с тобой, чтобы выкачать из тебя сведения. Очень надеялась разрушить стену, которой ты отгородился от людей. И ей это удалось. Ты сам не заметил, как поделился с ней самым сокровенным,

своими детскими переживаниями. Между делом ты проболтаться о единственном наследстве матери. Твои слова подтвердили признание больной женщины, до этого прощелыга не верила стопроцентно. Этим объясняется обтяжка по времени, ее ненастойчивость. Возможно, у нее были более веские причины. Услышав подтверждение, она перешла к решительным действиям. Ты стал ей помехой. Ты не только мог помешать поискам чучела, но задуматься, почему сначала исчезло чучело, потом тотчас исчезла соседка по даче. Это подозрительно. Вчера она узнала, где хранится сова и не стала откладывать дела в долгий ящик. Пошла ва-банк, терять ей было нечего, но на всякий случай избавилась от Ульяны, твоей «нареченной» сестры, чтобы она не опровергла ее слова. Вдруг придется вернуться за уточнениями, не исчезнуть в один момент. Не удивлюсь, если после всех событий не сгорел один из домов в «Чайной розе», и в этом доме не нашли бы сильно обгоревший труп. Кто погиб при пожаре, ни у кого не осталось сомнений – хозяйка дома.

- А на самом деле? - задал я совершенно глупый вопрос, с трудом поспевая за мыслями подруги.

- Людей без постоянного места жительства по округам шастает немало.

- Виолетта, ты не забывай, что я два раза видел мужчину. Первый раз он оставил в моем автомобиле сумку со взрывчаткой, второй раз – сделал мне внутривенную инъекцию калия хлорида... Третий раз мы не пересеклись, он подсунул ртуть за плинтус, когда я лечился в санатории. Мне повезло, что он перепутал спальни, ртуть оказалась в моей комнате, где на письменном столе стоит компьютер, а я временно переселился в комнату отца и задержался.

- Да, повезло, что квартира трехкомнатная.

- И повезло, что работы у меня было много, так уставал, что ужинал и заваливался на кровать, не было сил играть в компьютерные игры.

- Ванька, я побегу. Надо проверить Яшку в гараже!

Я ухватил подругу за руку.

- Ты никуда не пойдешь! Это слишком опасно. Мне хватит Ульяны. Не понимаешь, с кем мы имеем дело?! Эти люди ни перед чем не остановятся...

- Да, вы правы, Иван Капитонович, эти люди очень опасны, - согласился следователь, незаметно проникая в мою палату. – О визите в вашу палату женщины, мне сразу доложили. Мы установили за ней слежку. Выйдя из центральной городской больницы, она сразу кому-то позвонила и назначила встречу. Человек, который явился на встречу, очень походил на вашего пассажира и усатого доктора в пенсне. Когда они проникли в чужой гараж, их задержали. Всю ночь мы с коллегой ввели перекрестный допрос преступников. И ваш знакомый не выдержал первым, признался, что «был орудием в чужих руках», в руках Валентины Максимовны Чердаковой. Это ее настоящая фамилия, ей незачем было скрывать свое имя. Это вы подумали, что она назвалась другим именем, чтобы вы не сообразили, кто она на самом деле. Подельник задолжал ей крупную сумму денег, она обещала простить долг за помощь. Ей повезло – подельник оказался способным, прямо, «золотые руки». И самодельную взрывчатку мог сделать, и внутривенный укол, о действии паров ртути всякий знает, здесь не надо иметь семь пядей во лбу.

- Верится с трудом, - обронил я. – Как они могли узнать, когда Лидочка вызовет «скорую», чтобы отменить вызов и прийти ко мне вместо настоящего врача и сделать смертельный укол? А они как-то узнали. Отменили вызов, и вместо настоящего доктора прибыл подельник Чердаковой.

- Все просто. Некоторое время он ухаживал за вашей подругой. Да-да, Виолетта, за вами. В тот вечер вы были с ним в ночном клубе. Вам позвонила дочь и рассказала, что она отравилась салатом с морепродуктами, они вместе с соседом отравились. Она выпила лекарство, ей уже лучше, а вот дяде Ване совсем худо, пришлось вызвать неотложку. Вы передали разговор с дочерью своему приятелю. Хотели вернуться домой, но он уговорил вас остаться. Он отлучался?

- Да, он сказал, что ему надо позвонить маме.

- Он позвонил Чердаковой, та отменила вызов и приказала ему немедленно отправляться к Ивану Залепукину. Они думали, что съеденного с салатом

калия хлорида будет достаточно, чтобы отправить Залепукина к праотцам, оказалось, что нет, летальный исход гарантирован при введении калия хлорида в кровь. Препарат лежал у подельника в багажнике автомобиля, как и все сопутствующие штучки для преобразований. В свою бытность наш клиент был неплохим актером, сейчас иногда развлекает своим талантом друзей. Актерством много не заработаешь, а очень хочется разбогатеть. Он ушел из профессии, и начал выполнять мелкие поручения сомнительного характера. Однажды на пути встретилась Чердакова – женщина, за плечами которой было много лет колонии с недолгими сроками свободы. В колонии она познакомилась с вашей матерью, та скончалась у нее на руках. Надо было такому случиться, что обе оказались в лазарете. Чердакова подхватила вирусную инфекцию, а ваша мать была серьезно больна туберкулезом, последняя стадия. В бреду она проболталась Чердаковой: все деньги вложила в покупку двух рубинов. Спрятала их в чучеле совы. На свободе Чердакова пробыла недолго, снова получила срок. Потом вышла на свободу, и пропала.

- Она от кого-то скрывалась? – спросила Виолетта.

- Рисковая дамочка замахнулась на бандитский общаг. Но о рубинах никогда не забывала. Когда бандиты на нее вышли, а случилось это много лет спустя, она вернула часть похищенной суммы и непонятным образом смогла унести ноги. Где-то отсиживалась, потом появилась в нашем городе и начала наводить справки о семье Залепукиных.

- Неужели это все-таки настоящие рубины? – не мог поверить я.

- Самые что ни на есть настоящие. Так, где вы сказали «глаза» совы?

- На мотоцикле.

- Сейчас мы это проверим, - пробубнила следовательша, на ходу начала кому-то названивать. Разговора мы с Виолкой не слышали, при нас Полина Аркадьевна не произнесла ни слова.

- Ничего не скажешь, все-таки я умная, - гордо оповестила меня подруга.

- Умная, а связываешься со всяким сбродом, - укоризненно заметил я.

- Можно подумать, у него на лбу написано! Ты сам его видел, разве скажешь, что он отморозок?
- Не скажешь, - согласился я, - с виду вполне нормальный мужик, вызывает симпатию. Какой талант пропал!
- Вот и я поддалась на его актерские чары.
- Но ты мне говорила, что вы разругались, и ты ушла из ночного клуба, - вспомнил я.
- Он сам нашел причину. После звонка «матери» стал ко мне цепляться, ревновать, я взбрыкнула, он развернулся и ушел. Я посидела, выпила коктейльчик, и пошла пешком домой, чтобы голову проветрить. А мой кавалер тем временем превратился в доктора со «скорой». Разве я могла подумать, что твой взрыватель, врач-убийца и мой галантный кавалер – это одно и то же лицо.
- Я должен тебе признаться: я подозревал Лидочку. Думал, что она заодно с преступником.
- Моя Лидочка собралась замуж. Я уже познакомилась с будущим зятем. Хороший парень. В марте устроился на работу в их отдел, и сразу воспылал к ней любовью. Был у меня на юбилее, я постоянно следила за ними и поняла, что это настоящая любовь.
- Повезло парню – Лидочка прекрасная девушка.
- Характерец еще тот.
- А то ты белая и пушистая, - хмыкнул я, затем заканючил, - Виолетта, уговори моего доктора, пусть меня выпишет. Я отлично себя чувствую. Ртутных паров наглотался мало, организм уже очистили, чего я буду здесь лежать.
- И то верно, дома и стены помогают. Но выйдешь из больницы завтра, сегодня еще поваляйся, а мы и Лидой за это время сделаем у тебя генеральную уборку. Ульяна начала, но закончить не успела, - печально вздохнула подруга.
- Ну, зачем им нужно было ее убивать!

- Я тебе уже говорила, да ты пропустил мимо ушей – вдруг пришлось вернуться для уточнений. Ульяна могла опровергнуть слова самозванки. Ты-то уже считал ее своей сестрой!
- А если бы они меня взорвали в автомобиле, как бы узнали о сове? – резонно заметил я, сделав вид, что забыл о предыдущих предположениях «прорицательницы». – Я не помню, чтобы рассказывал соседке по даче о чучеле совы. Убей, не помню!
- Ты никогда не отличался хорошей памятью, - бросила мне подруга детства. Глазки у нее бегали – явно что-то скрывала.
- Давай, колись.
- Это я проболталась о чучеле этому бандюгану! Он завел разговор об охоте, о таксидермистах, о выставке чучел... А я возьми и скажи, что у соседей есть чучело совы. Сова так себе, а глаза – это что-то с чем-то! Как два рубина горят! Сама не понимаю, как вырвалось. Только сейчас вспомнила об этом разговоре.
- И что было дальше?
- Он спросил, давно ли у вас хранится это чучело? Я ответила, сколько себя помню, что мой друг детства, ты значит, очень ею дорожит.
- Я? Я давно о нем забыл. И про глаза только сегодня вспомнил. Вот ты вруша-лгуша! Сама когда видела сову в последний раз?
- Когда твой папа собирался ее выбрасывать, а мы на нем повисли, как две гири... Вань, так это все из-за меня.
- Не болтай глупости!
- Точно, точно...
- Хочешь искупить свою вину?
- Хочу, а как? Могу голой пройти по улице, но не думаю, что мое дряблое тельце, тельце сорокапятiletней женщины, кого-то вдохновит на творчество.
- Не смешно.

- Извиняйте. Так что я могу для тебя сделать?
- Позвони Людмиле, моей бывшей.
- Что я ей скажу?
- Узнай, как жизнь, что нового, скажи, что я смертельно болен...
- Тьфу на тебя!
- Скажи, скажи. И еще скажи, что подхватил серьезную болячку на нервной почве. Весь извелся от переживаний за Марусю, не мог себе простить, что ее украли. Послушаем, что она тебе ответит...

Номер телефона Людмилы, и мобильного, и домашнего, был забит в моем мобильнике. Она мне как-то позвонила, хотела что-то уточнить. Я узнал, в каком городе она живет, других вопросов не задавал. Входящий номер высветился, потом я несколько раз звонил ей, но безрезультатно – телефон был отключен. По своим каналам узнал номер ее домашнего телефона. Думал, вдруг Маруся найдется, я сообщу ее матери. Маруся не нашлась, я не звонил...

Виолетта включила на своем мобильнике громкую связь. Шли долгие гудки, я отчаялся услышать Людмилу, хотя, надеялся, что она дома. Все-таки, воскресенье, выходной.

Ей ответил писклявый девичий голосок. Пляскова попросила к телефону Людмилу. Девочка ответила, что мамы дома нет, она ушла в магазин.

- А ты ее дочь?
- Да, меня зовут Марусей. А вы кто?

Меня бросило в жар. Неужели, Люда во втором браке родила дочь и назвала ее Марусей?!

- Я знакомая твоего отца.
- И что вы хотите? – напряглась девочка.

- Я хотела с ней поговорить, - мягким голосом проговорила Пляскова, непроизвольно переходя на оправдания.

- Вам мало того, что вы сделали! Мама с трудом оправилась от предательства отца! – выплеснула негодование дочь моей бывшей супруги.

Кое-что мы начали понимать, переглянулись с Виолеттой, я подбадривающе ей кивнул.

- Я не та, за кого ты меня принимаешь. Я звоню из другого города, я знакома бывшего мужа твоей матери. Хотела ей сообщить, что он очень болен.

- Я ничего не знаю о ее первом муже, мама мне не рассказывала.

- О твоей тезке, которую похитили в двухмесячном возрасте, тоже ничего неговорила? - ляпнула, не подумавши, моя подруга детства. Подобное с ней бывает, как в случае с совой. Ну, кто ее тянет за язык! Хотел заставить ее прервать телефонный разговор, но не сделал этого по непонятной причине. Наверное, пребывал еще в заторможенно-дебильном состоянии. Только в таком состоянии можно принять на веру фантастическую брехню.

- Я ничего не знаю о той Марусе, - повторила девочка.

- А сколько тебе лет? У тебя такой детский голосок, - засюсюкала Пляскова.

- Мне двадцать лет, а мой голос меня саму бесит.

- Двадцать? – вскинула брови Виолетта.

Вдали послышался стук закрываемой двери. Потом раздался знакомый мне голос Людмилы:

- Маруська, я дома!

- Это мама вернулась, - доложила девушка. И обратилась к матери, - мам, звонит какая-то женщина, она говорит, что знакомая твоего первого мужа.

- Дай сюда трубку, - неожиданно взбесилась Людмила.- Что вам нужно?!

- Здравствуйте, Люда, я подруга детства Ивана Залепукина. Меня зовут Виолетта.

- Я вас помню. Что дальше?

- Иван неизлечимо болен, ему осталось жить несколько дней. Ужасная болезнь развилась скоротечно. Доктор сказал, что это последствия стресса и постоянных переживаний.

- Мне безумно жаль. Что я могу для него сделать? – в голосе не было и следа жалости, тем более, желаниа оказать услугу.

Я не сдержался и отчетливо произнес:

- Сказать правду!

- Ваня, ты все не так понял, Маруся это моя дочь и дочь Шилова. Я за него сразу вышла замуж после нашего развода... Я уже была беременна от него, у нас была длительная любовная связь, - окончательно завралась Людмила.

- Конечно, я не большой специалист в женской физиологии, но уверен, что ты не была беременной.

В трубке слышалось щенячье поскуливание, прерываемое словами Маруси:

- Мама, как ты могла...

- Люда! Мне не составит труда сделать анализ ДНК и подтвердить, что Маруся моя дочь. Ты этого хочешь?

- Не надо, я все скажу... Маруся, действительно, твоя дочь. Я никогда тебя не любила, вышла за тебя замуж, чтобы насолить Шилову. Он опомнился и предложил мне сойтись. Готов был принять мою дочь, как родную. Но ты бы меня так просто не отпустил, из-за Маруси. Ты ее безумно любил, больше меня, я тебя даже ревновала тебя к ней. И мы с Шиловым пошли на кардинальные меры... Он сразу уехал в другой город, нанял кормилицу и ждал меня. Я с тобой развелась и перебралась к нему. Маруся стала его дочерью. Совместных детей нам бог не дал... И бог меня покарал за жестокость – Шилов меня бросил.

- Так тебе и надо! Ты не человек, ты животное! Как в твоей голове только сложилась подобная комбинация! Сказала бы правду. Я не стал бы тебя

удерживать, но имел бы возможность встречаться со своей дочерью, мог наблюдать, как она растёт, как развивается.

- Фашистка! – не сдержала эмоций Виолетта. – Убить тебя мало! Как можно было ТАК поступить с отцом своего ребенка!

- Люда, я тебя убью, - второй раз за сегодня пообещал я упавшим голосом.

Трубку вырвала моя дочь и сказала всего одно слово «папа».

Я давился слезами, умирал от счастья, терял сознание. Держался из последних сил, чтобы услышать что-то еще.

- Папа, я приеду к тебе...

Это всё, что мне было нужно на этот момент. Ради этого мне стоило жить. Ради этого я вынес три покушения на свою жизнь...

Виолетта оказала мне еще одну услугу. По-женски поболтала с Полиной Аркадьевной.

Я был прав – у этой строгой женщины не было ни мужа, ни троих детей.

Когда все страсти улеглись, я пригласил ее на свидание. Она согласилась.

Через некоторое время мы поженились. Наше бракосочетание прошло в узком кругу: я, Полина, моя дочь Маруся, родители Полины, Виолетта с новым кавалером, которого я одобрил, и Лидочка с новоиспеченным мужем.

Когда за столом началось бурное веселье, я наклонился к Марусяке и спросил:

- Дитячко мое, как ты относишься к появлению брата или сестры?

- Всю жизнь об этом мечтала! – искренне поделилась она своими тайными желаниями. – И когда случится сие радостное событие?

- В сентябре.

- Здорово, всего-то ждать пять месяцев.

- А я тебя ждал двадцать лет, любимая моя...

Ноябрь 2015г.